

Станислав Богданов

Серафим Богданов

Последний старец. Сталинградский снег

Черт побери!

Станислав Богданов

**Последний старец.
Сталинградский снег.
Черт побери!**

«Издательские решения»

Богданов С.

Последний старец. Сталинградский снег. Черт побери! /
С. Богданов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504702-1

Здесь вы можете прочитать продолжение двух произведений, но в значительной части — продолжение «Последний старец». Данное произведение, сознательно перемещено в жанр «приключения», так как фантастической канвы и сюжетной линии не содержит. Представленные в нём «медицинские» и прочие явления, которые могут показаться необычными, на самом деле имели место в ходе Второй мировой войны. Кроме того, встретите героев из другой книги — «Вторжение деструктов». Судьбы переплетены...

ISBN 978-5-00-504702-1

© Богданов С.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЛЁД, ПЛАМЯ, ЛЮБОВЬ...	6
Глава первая. Волга, Волга...	11
– Да...	19
– Кха-к-к...	26
– А то...	35
– Чего-о-о?	40
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Последний старец. Сталинградский снег Черт побери!

**Станислав Богданов
Серафим Богданов**

© Станислав Богданов, 2019

© Серафим Богданов, 2019

ISBN 978-5-0050-4702-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЛЁД, ПЛАМЯ, ЛЮБОВЬ...

...Посреди ночи Сталина разбудил осторожный стук. Он встал и, запахнувшись в пижаму, подошёл к бронированной двери, что отделяла длинный коридор с пунктом охраны от его половины. То был майор Хрусталёв, начальник охраны объекта «Ближние дачи», что назывались Кунцевскими.

– Что случилось? Докладывайте, товарищ Хрусталёв, – Сталин, словно неохотно зевнул. Но его внимание быстро переключилось на волну предстоявшего разговора.

– Товарищ Сталин! Товарищ нарком внутренних дел и комиссар государственной безопасности минуту назад звонил по спецлинии «Кремль-1». Просил передать дословно: на вверенном участке за истекшие сутки происходят изменения.

– Вот как... – Сталин не выдал своего волнения. Лишь посмотрел поверх вихрастой головы майора. – Товарищ Берия ещё на проводе?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Хорошо... Ступай и сообщи: сейчас буду говорить с ним. Смотри, что б не отключили линию.

– Есть, товарищ Сталин!

Развернувшись на каблуках вычищенных до синевы сапог, скрипя португеей, Хрусталёв строевым шагом вышел. Аккуратно притворил массивную дверь. Бронированную, с открывающимся «окошком» для контактов с внешним миром. А Сталин, набросив поверх бязевой полосатой пижамной рубахи свой китель, прихватив коробку спичек и пачку папирос «Герцеговина Флор», направился по коридору на остекленную веранду. Там, возле шифоньера с телефонным аппаратом стоял Хрусталёв. Он держал на вытянутой руке трубку. Другой охранник в звании лейтенанта, что дежурил за столиком с аппаратами внутренней и городской линии, также стоял навытяжку. А на веранде, щёлкая каблучками, в наброшенном пуховом платке с вышивкой «ришелье», высоко взбитой причёской из золотых волос, суежилась у самовара Валентина. Когда успела его приготовить, с довольной истомой подумал вождь, прежде чем взял трубку. Одна мысль неприятно кольнула его вдобавок к тому, что он услышал от Хрусталёва. Но её, эту мысль, он решил отложить на потом.

– ...Сталин слушает, – сказал он в мембрану. – Говори, Лаврентий.

– Товарищ Сталин! Только что мне сообщили. На вверенном участке противник зашевелился. С вечера на танкоопасных направлениях выставлены заслоны из противотанковых батарей. А сегодня с ночи он освободил первую линию. Оставил там одних наблюдателей.

– Немедленно приезжай, – Сталин, не подавая виду, вставил папиросу в усы. Чиркнул спичкой. Закурился голубоватый сладкий дымок.

Знаками он велел охране удалиться. Вале, что было вознамерилась сделать то же, тут же подмигнул. Она удивлённо раскрыла синие, казалось, бездонные глаза.

– Зачем тебе уходить, Валюша? – удивлённо в свою очередь промолвил он. Его рыжие, подбитые сединой брови, изломались, создавая пирамидальную складку во лбу. – Ты мне нужна. Если, конечно, общество старого, замученного жизнью человека, тебя не смущает. Известно, дело молодое...

– Товарищ Сталин! Как можно? Конечно, я останусь, – заспешила она. И уже в полголоса: – Осип Виссарионыч! Я что хотела сказать: ко мне вчера в городе, у аптеки на Кузнецком, двое прицепились. Один сержант ВВС, другой майор из артиллерийского управления, с папкой. Всё нарочно громко говорили насчёт нашего наступления на Волге. Будто на Волге наши наступать будут. А отвлекающий удар где-то на севере или в центре. Под Москвой или Ленинградом. Мол, под Сталинградом слишком удачное положение сложилось. Вот так...

– Очень может быть, – пустил дымные кольца Сталин. – Сам не знаю, где наступать.

– Не может быть! – удивилась Валя. – От вас впервые такое слышу.

– А ты бы где наступала? – не моргнув, спросил Сталин.

– Я бы... Там, где враг не ожидает, – звонко парировала девушка. – А где именно, так я того не знаю. Мне бы ваш ум, товарищ Сталин! Вот тогда бы...

– Нас не ожидают под Москвой, – усмехнулся в усы Иосиф Виссарионович. – Под Сталинградом, как ты сказала, хорошее направление для нанесения удара. Все предпосылки есть. Нет одного: пользы! Окружение войск Паулюса нам не даст ничего. Какие-то развалины возьмём. Отвоюем обратно. Что б весь мир над нами смеялся? Гитлер итак попал впросак со Сталинградом. Думал, я от горя умру. Нет, не умер товарищ Сталин, от того что город, названный в его честь, оказался в руках захватчиков. Как ты считаешь, Валюша?

– Конечно, не умер! – Валя налила кипяток с душицей и залила заваркой через золотое ситечко в тонкостенный стакан в сияющем подстаканнике. – Чай готов, товарищ Сталин!

– Спасибо тебе, – тот протянул руку и захватил ею стакан. – Перехитрил я Гитлера! Подсказал ему неверное направление летом. Мол, юг для меня дороже, чем Центральная Россия. Не думал я, конечно, что под Харьковом так всё обернётся! Не думал... И что в Крыму нас упредят. Но со Сталинградом Гитлер промахнулся. Ждёт, что я поддамся на его уловку. Начну наступать на флангах, там, где румыны засели, да венгры с итальянцами. Ладно...

Вошёл Хрусталёв. Ровным голосом он доложил о прибытии Берия.

– Пусть войдёт, – Сталин докурил папиросу. Смял мундштук. Уложил её бережно в пепельницу. – Сядь, Валюша, за стеночкой на веранде. Послушай, как говорить будет наш Лаврентий. Если что не так – дашь мне знать...

– Будет исполнено, товарищ Сталин.

Высокая белая дверь открылась. Берия (как всегда в чесучовой паре, при галстукке, в сияющем пенсне) пружинисто переваливаясь, походкой спортсмена, что ежедневно разминался в спортзале «Динамо» по джиу-джитсу, вошёл с кожаной папкой. Окинув взглядом примет-

ные и нет отдушины, высокий потолок с лепным узором, обозрел снежные хлопья, что летели за стёклами веранды.

– Вот так – зима нагрянула... – сказал он неожиданно, точно рассуждая вслух. Затем, как будто вспомнив, зачем пришёл, вытянулся: – Доброй ночи, товарищ Сталин! Разрешите доложить?

– Докладывай, – строго заметил Сталин.

Он, как всегда, не проронив ни слова, не издав не единого звука, выслушал доклад. А Берия ровным, гласирующим голосом, рассказывал, что со вчерашнего дня на Южном направлении, а именно – на участке Сталинградского и Южных фронтов, противник на флангах проводит усиление своей обороны.

– А на главном? – Сталин хитро подмигнул Лаврентию. Провёл мизинцем по изогнутой брови. – Доложи, как складывается обстановка на главном направлении?

– Товарищ Сталин! На главном направлении всё без изменений. Противник сконцентрировал четыре дивизии. В том числе танковую дивизию СС «Великая Германия». Сегодня также распорядился отвести войска с первого эшелона. Заменял регулярные части штрафниками.

– Вот значит как, – Сталин обошёл стол орехового дерева и овальной формы, на котором виднелись чайные принадлежности. – Заметался наш фюрер. Теперь гадает как на кофейной гуще. Где же товарищ Сталин собрался наступать. А наступления, может, вообще не будет, – и, глядя в спокойные глаза наркома, золотисто-карие, под пушистыми бровями, за стёклами пенсне, продолжил: – Лаврентий! В связи со сложившейся обстановкой, ввиду утечки информации операция «Марс» признана мной нецелесообразной, – он быстро подмигнул ему, проведя рукой по подбородку. – Думаю, что руководство генштаба поймёт. На основном направлении мы проведём лишь отвлекающую операцию.

– Таким образом, операции меняются местами, – снизив голос, быстро прошептал Берия. – Слушаюсь, товарищ Сталин.

– Вот так, – Сталин закурил снова. – Докладывай мне самым подробным образом. За три часа до начала. Любая мелочь может стать решающей. Иди...

– Товарищ Сталин, тут есть одно сообщение, – Берия вынул из папки вчетверо сложенный листик серой бумаги. Бережно разгладив, положил его на чайный столик. – Прошу вас, взгляните. Получено по каналам 4-го управления.

– Что там? – Сталин краем глаза скользнул по тексту... «Есть новости от 401 го. Просьба сообщить по линии». Это было начало. Затем следовали столбцы цифр. Чуть ниже – их расшифровка...

Из сообщения по категории «Экстра» следовало, что спущенный приказ командующим Сталинградскому, Южному и Степному фронту о начале наступления 19 ноября сего года стал известен в штабе 6-й армии. Паулюс получил из Абвершталле донесение от своего агента о данном приказе. В нём, правда, была одна неточность. Главным направлением удара на Волге указывался не правый, а левый фланг Степного фронта под командованием Ватутина. Таким

образом, служба адмирала Канариса либо зашифровала свой оперативный источник в ближайшем окружении Сталина, либо... сработал наш источник дезинформации. Опасно это, правда. Но ничего. В данном случае, эксперты-аналитики Абвера, что посчитали на основании собранных ранее данных это направление более опасным, сделали доброе дело. Теперь наш человек, о котором было известно лично Сталину, был вне опасности. Фюрер уверен в проведении под Сталинградом отвлекающей операции, что призвана скрыть направление главного удара – под Ржевом.

Кроме этого в донесении была информация о двух источниках, что получили предупреждающую информацию по каналу «401». Но так её и не передали Центру. Одним из них был Георгий Жуков. Осенью 41-го, по дороге в Можайск, на него вышел источник информации. Но предупреждение через Жукова не пошло по назначению. Так как информация обладала внутренней защитой, своим собственным смысловым контролем, что делал психику её носителя весьма уязвимой, последний не мог её долго держать в себе. Это наводило на серьёзные размышления.

Вторым источником был резидент европейского отдела 5-го управления НКВД, что работал под прикрытием в парижской резидентуре. Под одной оперативной «крышей» там слились сотрудники Разведупра РККА и НКВД. Хотя и недолюбливали друг друга оба ведомства, а с 1937 года даже враждовали, но пока работа их представителей протекала успешно.

– Что ж, я знал, что враг близко, – в раздумье заговорил точно сам с собой Иосиф Сталин. – Притаился где-то рядом. Дышит мне в спину. Я дам ему бой, Лаврентий. То, что произойдёт завтра, будет началом этого боя. Похоже, они словили наш крючок. Менять что-либо для них уже поздно. Для нас тоже. Остаётся лишь уповать на Бога.

– Товарищ Сталин, – произнёс Берия, начиная более серьёзную тему. – Сегодня от «Вертера» получено подтверждение: «Альпиец» контактировал с нашим представителем из ИНО в 24-м. Накануне событий в Мюнхене. У них было всё оговорено по поводу. И сам повод, кстати, тоже. Поэтому я считаю, не лишним будет проверить их обоих: представителя и... «Альпийцу» стоит только намекнуть, что мы знаем, и он запросит о мире. Вот увидите, товарищ Сталин.

– Выходит, я не ошибся: фюрер знал всё, – усмехнулся в желтовато-рыжие, с сединой, прокуренные усы вождь одной шестой человечества. – Он знал наших представителей из конторы Трилиссера. И «Ледоруб», – так Сталин называл покойного Троцкого, – тоже располагал информацией о фюрере. Они вели друг-друга, пока в их планы не встрял я. Не встряли мы все. Но... Высылая его из страны Советов, я не предполагал, что его источник так близко от меня. Теперь мы расплачиваемся за мои ошибки, Лаврентий. Что ж, я готов ответить за свою близорукость. Только после войны.

– Не стоит, товарищ Сталин, – Берия удивлённо раскрыл свои золотисто-карие, узкие глаза под стёклышками пенсне. – Ошибаются все. Я тоже накануне 41-го ошибся в Жукове и его сообщниках. Думал, что голос их благоразумия перебьёт авантюризм духа. Ничего не перебьёт! Они посчитали, что троцкистское подполье сильно в Стране Советов. Что страна с приходом гитлеровских сил расколется на два непримиримых лагеря. Но они не учли главного.

– Иди... – устало сказал Сталин. – До утра постарайся не звонить, Лаврентий. Устал я. Надо мне выдержать до рассвета. Что бы не случилось – не звони. Уже ничего нельзя изменить. Нужно ждать и уповать на Бога. Иди...

Глава первая. Волга, Волга...

...Паулюс сидел в тёмном, затхлом полуподвальном помещении. Он, как будто никак не реагировал на происходящую катастрофу. Шоком безмолвия и безволия был парализован весь штаб 6-й армии. Снаружи, на заснеженных улицах с обгоревшими коробками разрушенных домов с рухнувшими перекрытиями, с искореженными и ещё работающими танками и самоходными орудиями, теснящимися среди обломков, загромождающих дворы, тонных грузовиков, бронетранспортеров, тягачей, мотоциклов и легковых машин, меченных тавро из орла с разведёнными крыльями со свастикой в лавровом венке, который сжимали его когтистые лапы, развернулись тяжёлые бои. Среди обледенелых трупов его некогда непобедимых гранадёр, загнавших русские армии до Волги и Сталинграда («...Волга, Волга, великая русская река!») ещё живые, обмороженные, полуголодные, покрытые вшами и тряпьем люди стреляли из щелей домов, баррикад и завалов по другим людям в тёплом ватном обмундировании и шинелях на толстом сукне, цигейковых шапках и валенках. Среди груд щебня и кирпича (деревянные домики на окраинах, возле завода «Баррикады», если не сгорели во время летних бомбёжек, то были разобраны на дрова) урчали, звеня гусеничными траками крашенные в белое русские танки Т-34/76, КВ-2, Т-70, британские «Матильда» и «Валлентайн», а также «Грант», представляющие собой огромные, слоноподобные туши с двумя пушками. Не считаясь с потерями, Советы продвигались шаг за шагом к центру разрушенного города. Они стремились сомкнуть стальные клещи своих штурмовых соединений на захлёбывающемся от натуги горле 6-ой армии. И без того окружённой, погибающей от мороза, голода, отсутствия боеприпасов и топлива, прочей поддержки, обещанной рейхсмаршалом Герингом и самим фюрером. Ещё хлопали в развалинах выстрелы из 88-мм зениток, поражающих вместе с 50-мм Рак. и 105-мм Le HF-18 русские сверхтяжёлые, средние и лёгкие танки. Но это была агония обречённых.

В полуразрушенном здании Центрального универмага на площади Павших Борцов, покрытой воронками разной величины, обугленными обломками автомашин, Паулюс в который раз уже задавался вопросом: могло ли всё сложиться иначе, если бы он прислушался зимой далёкого 1941 года к странному, удивительному русскому с белой, как лунь, окладистой бородой, с коричневым, изрубцованным морщинами лицом и такими ясными, суровыми, но по-детски чистыми глазами – способными, как оказалось, заглянуть в Книгу Жизни. Прочсть любую ЕЁ страницу. Как самую древнюю, замшелую, так и нетронутую, ещё не написанную, где были обозначены Творцом неба и земли суровые и прекрасные вехи горделивого человечества...

* * *

...Вскоре на южном фронте произошла кровавая мясорубка. Летом 1942 года оперативная группа «Кемпф», состоящая из армий Паулюса и Вейхса, взяла в клещи ударную группировку Тимошенко под Изюмом. Так началась операция «Фридрих», которую русские упредили своим неожиданным наступлением. В начале мая в район Харькова прибыли некоторые ожидавшиеся из Франции дивизии, в том числе и 305-я Боденская дивизия, а с ней тогда еще не знакомый Адаму, его будущий друг Отто Рюле, служивший в моторизованной санитарной роте.

Подготовка к переброске войск для летней кампании 1942 года шла полным ходом. Но на долю 6-й армии выпало еще одно тяжелое испытание. Советские соединения, распола-

гавшие значительными силами, включая и многочисленные танки, предприняли 12 мая новое наступление с Изюмского выступа и под Волчанском.

Для 6-й армии создалось угрожающее положение. Наносящим удар советским войскам удалось на ряде участков прорвать германскую оборону. 454-я охранная дивизия не устояла перед натиском. Случилось то, чего Паулюс опасался еще 1 марта. Дивизия отступила. Пришлось отвести километров на десять назад и VIII армейский корпус, так как венгерская охранная бригада под командованием генерал-майора Абта не смогла противостоять наступающему противнику. Советские танки стояли в 20 километрах от Харькова. Правда, 3-я и 23-я танковые дивизии пытались нанести контрудар, но безуспешно.

Прорвавшись на Харьковском направлении, русские не учли опасности флангового прорыва и окружения. Это произошло. После изнуряющих степных побоищ, уничтожив до четырех дивизий противника, включая 1500 танков, захватив до 20 000 пленных солдат и офицеров, 6-я и 4-я армии вермахта начали стремительное продвижение на Ростовском и Сталинградском направлении. Вскоре армия Паулюса вышла к левой излучине Великой Русской Реки. За это, правда, пришлось поплатиться внушительными потерями в боях на Дону, под станицей Клётской и Вёшинской, но это было не в счёт. Кроме этого в ходе битвы за Харьков на голову генерал-полковника и его адъютанта, равно и всего штаба, обрушилась другая напасть. Прибыл личный представитель доктора Геббельса Ганц Фриче. Он пришел представляться Паулюсу в мундире зондерфюрера, что соответствовало званию капитана вермахта. Считая себя непревзойдённым журналистом, этот ушлый господин, мешая всем и лазая повсюду, собирал материал для *Völkischer Beobachter*. Дважды его пришлось спасать от неминуемой гибели. Паулюс, чуть было не вскипев (это происходило с ним крайне редко), хотел удалить этого зазнавшегося писака с театра военных действий. Но помогло заступничество самого доктора Геббельса. Чем он умаслил «Кунктатора», так и осталось неизвестно. Хотя впоследствии, прочитав очерк Фриче о сражении, Паулюс остался им доволен. Как нельзя кстати смотрелись в нём фотографии с подбитыми русскими Т-34 и КВ, наводившие ужас на германскую пехоту и панцерваффе в 41-ом. На этот раз превосходство было утрачено. Новые германские «ролики» почти свели его на нет. Это были Pz. IV F2 – первые танки с 75-мм пушкой с длинной ствола 43 калибра. В сочетании с отличной оптикой они могли поражать «тридцатьчетвёрки» в борт с дальних дистанций. Правда оснастить такими танками удалось по одной роте в каждой из дивизий.

«...С нетерпением ждал зондерфюрер Фриче начала операций под Харьковом, – пишет в своих воспоминаниях Адам. – Затем его перо застрочило, снабжая тыл блистательными, воодушевляющими корреспонденциями с поля сражения. Они придавали бодрость многим немцам, усомнившимся и павшим духом. В памяти многих людей бледнели ужасы лютой русской зимы, неудачи под Москвой и в Крыму. Наверное, Фриче считал, что всем потрафит, поместив в солдатской газете, издававшейся в Киеве, статью, в которой он прославлял как великого полководца Паулюса, в ту пору получившего звание генерала танковых войск. Нашей последней победой, писал Фриче, мы обязаны в первую очередь осторожному и целеустремленному руководству Паулюса. Помню, как мы в штабе армии радовались и гордились, читая эту статью. Зондерфюрер сразу выиграл в нашем мнении. Однако министр пропаганды доктор Геббельс реагировал иначе. В день, когда нам доставили номер этой газеты – мы еще сидели после ужина за столом, – Фриче вызвали к телефону. Вернулся он с красным, пылающим лицом. Что же случилось? Геббельс устроил ему головомойку за то, что он восхвалял Паулюса как полководца: в Великой Германской империи этот эпитет применим только к одному человеку – к фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру. Фриче пробыл в 6-й армии еще несколько

месяцев. Насколько мне известно, он ни разу больше не проштрафился перед своим начальством. Когда Паулюс узнал о происшествии, он рассердился: – Чем только эти люди занимаются! Как будто это самое главное. А что мы сели в калошу главным образом потому, что верховное командование недооценивало противника, им невдомек».

Вскоре Гейм принял на себя командование 44-й танковой дивизией, а его преемником в штабе армии стал полковник генерального штаба Артур Шмидт. «Какой был резон в этих перестановках? В разгар подготовки наступления, накануне летней наступательной операции?» – напряжённо думал Адам. Он с нетерпением ждал отпуска, которому мешала операция «Фридрих». Даже Паулюс отнесся к этой замене неодобрительно. Тем более, когда оберквартирмейстер, отвечавший за все снабжение, полковник генерального штаба Пампель, был также смещен. Вместо него назначили полковника генерального штаба Финка. Как и Шмидт он был «человеком фюрера». Оба – члены национал-социалистической партии. Шмидту и Финку нужно было за короткий срок ознакомиться с установками их предшественников. Шмидту это удалось очень скоро. Сын купца, уроженец Гамбурга, он был человеком умным, гибким, наделенным большой сметливостью. Это сочеталось с твердостью, которая, впрочем, часто переходила в упрямство. Он мог накричать на замешкавшегося офицера или курьера с донесениями. Похвалить «телефонную девицу» на телетайпе за локоны и пилотку, скошенную в соответствии с уставом набекрень. Он вскоре получил прозвище «чёртик из табакерки»: за редкостный талант – появляться не к месту и ни ко времени, портя настроение оперативным работникам штаба! В штабе 6-й армии готовы были закатить ностальгическую попойку – провода и расставание с бывшим начальником! Главное отличие между сыном купца и прежним начальником было налицо: Гейм умел поддерживать хорошие отношения со всеми отделами штаба армии. Он был солдатом и прежде всего, требовал от каждого своего сослуживца соблюдать дисциплину и беспрекословно повиноваться его приказам, но он отвечал за каждого начальника отдела и выручал его в любой ситуации. Шмидт к этому не стремился. Он действовал во всём с истинно-нацистской самоуверенностью. Занимался безудержным прославлением политики фюрера на Востоке и в Европе. Был занят тем, что выискивал явный и тайный саботаж приказам ставки. Адам напишет по этому поводу следующее: «В противоположность ему Шмидт был нетерпим и заносчив, холоден и безжалостен. Чаще всего он навязывал свою волю, редко считался с мнением других. Между ним и начальниками отделов его штаба неоднократно возникали столкновения, особенно с начальником оперативного отдела, с оберквартирмейстером и начальником инженерных войск армии. Это отнюдь не ускоряло последние приготовления к летнему наступлению. Многие офицеры нашего штаба добивались перевода в другие части. Паулюс был осведомлен об антипатии, которую внушил к себе начальник штаба. При малейшей возможности Паулюс старался сглаживать эти шероховатости, не ставил перед собой серьезно вопроса о замене начальника штаба».

Похоже, что квалифицированный генштабист Шмидт не стремился установить контакт с армейской средой. Это было очевидно всем германским офицерам в штабе 6-й полевой армии. Даже к Паулюсу он относился не так, как следовало бы: спрашивал у него по поводу и без оного мнение – «а что думает по этому поводу великий фюрер»? Шмидт пытался помыкать командующим. Ловить его на противоречиях, чтобы при удобном случае свалить. Но кому это было выгодно? Адам, связавшись через Отто Рюле (тот отправился в отпуск) и через знакомого полковника в штабе люфтваффе, выяснил: Шмидт во времена службы в рейхсвере, был замечен в контактах с ведомством Канариса. После того, как Гейдрих, обучившись у шефа разведмастерству, «слинял» в SS и открыл собственную «фирму», скорее всего работал у него V-mann. Это поняли и командиры корпусов, которые приняли тут же Шмидта, скрипя сердцем.

Несмотря на очевидное поражение, русские сражались отважно. Прикрывая отход своих частей, избиваемых с воздуха люфтваффе, они оставляли вкопанные в землю танки и управляемые по радио огнемёты (ФРОГ). Поражало другое. Намечённое русскими наступление на Крымском полуострове провалилось почти одновременно с трагедией под Харьковом. Упредив скучившиеся для атаки советские войска, артиллерия и авиация Манштейна нанесла по «скоплению сил противника» смертельный удар. Это говорило о наличии в оперативном управлении русских германских агентов. (Лишь после падения Севастополя стало известно о том, что комендант военного аэродрома майор Попов сотрудничал с Абвером.) В начале марта полным разгромом закончилась наступательная операция 2-ой ударной армии под командованием генерала Власова, героя зимнего наступления под Москвой, на Волховском участке северного фронта. Русских пропустили в оперативные тылы, а затем попросту уничтожили в «котельной битве».

Опасный прорыв под Изюмом был ликвидирован. Паулюс получил Рыцарский крест. Командный пункт армии был переведен из Полтавы в Харьков. Паулюс информировал оперативный отдел о предстоящих операциях, в которых со стороны Германии, и ее союзников должны были участвовать более полутора миллионов солдат, свыше тысячи самолетов и несколько тысяч орудий всех калибров. 6-я армия первоначально получала задачу по обеспечению фланга танковой группировки, наступающей на Сталинград. Директива Гитлера №41 от 5 апреля 1942 года определила для группы армий «Юг» цели летнего наступления 1942 года. Осуществление комплекса операций должно начаться наступлением из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Для этого предназначались 2-я, 4-я танковая и 2-я венгерская армии. Задачей 6-й армии было прорваться из района Харькова на восток и во взаимодействии с продвигающимися вниз по Дону моторизованными частями 4-й танковой армии уничтожить силы противника в междуречье Дона и Волги. После этого, в третьей фазе летнего наступления, 6-я армия и 4-я танковая армия должны были соединиться в районе Сталинграда с силами, наступающими на восток от Таганрога и Артемовска. Достигнув Сталинграда, предстояло уничтожить этот важный военно-промышленный центр и крупнейший узел путей сообщения.

На заседании отмечалось кроме всего прочего шаблонность мышления красных генералов. Так, в духе своего фильма «Если завтра война!» и общей предвоенной доктрины РККА они бросали в бессмысленные контратаки целые танковые соединения без достаточной пехотной поддержки и взаимодействия с воздуха. В результате «русские панцеры» становились лёгкой добычей зенитной и противотанковой артиллерии. Они забрасывались бомбами и попадали на минные поля. В то время, как панцерваффе было строжайше запрещено ввязываться в лобовые атаки. В памяти Паулюса и Штрума ещё были свежие картины 1941 года, когда Pz. III и Pz. IV с их «штуммелями» приходилось попросту говоря улепётывать от «тридцатьчетверок» с бронёй в 46-мм. Pz. I и Pz. II вообще было нечего делать на полях сражений. Их стали использовать в полицейских и охранных частях для борьбы с «русскими партизанами».

Отмечалось также обилие лёгких танков в русских дивизиях. Судя по всему, большевики делали ставку на летний блицкриг, если штамповали тысячами БТ, Т-26, Т-50 и Т-70 со слабой бронёй с 20-мм и 45-мм пушками. Из противотанковых частей почему-то изымались 76-мм пушки ЗИС-2. Вместо них увеличивались ПТР и маломощные «сорокапятки», схожие внешним видом с германским Pak. 35/36.

В перерыве заседания Паулюс предложил своему «Палладину» выйти во двор казачьей хаты. Светило яркое дневное солнце. Стаи птиц стремились туда, где веяло дымом пожарищ.

Высоко в прозрачно-синей лазури гудели эскадрильи отбомбившихся архаичных «штукас» с неубирающимися шасси. Советских краснозвездных «ястребков» давно не было не видно, не слышно.

– Кто курирует у русских танковую промышленность? – поинтересовался Паулюс.

– Нарком иностранных дел Молотов. Очень странный господин. В молодости дружил с нашим рейхсминистром иностранных дел. Впрочем, Шпеер тоже был весьма странен. Фюрер, если мне не изменяет память, поручал ему ещё в 40-м переоснастить танцы новыми даль-нобойными пушками. Сделано это только сейчас его преемником Шахтом.

– Да, весьма странно, – неуверенно согласился Паулюс.

– А, по-моему, господин генерал, самое странное – это то, что поражения относятся целиком на счет командующих армий или групп армий. Генерал Гудериан, например, после поражения под Москвой был снят и отправлен в тыл, – зато победами мы в первую очередь обязаны полководческому искусству фюрера, – обратился к нему Адам.

– Милый Адам, надеюсь, эти крамольные мысли вы не высказываете в присутствии господина Фриче. Мне бы не хотелось, чтобы у вас были неприятности.

– Вы правы, – поддакнул «Палладин». – Возьмёт да опишет мою персону в своих зажигательных репортажах.

От молодого полковника, несмотря на всю драматичность обстановки (пыльные колонны русских пленных, разбитые силуэты танков, остовы боевых самолётов среди ключьев блестящего дюрала и обломков плексигласа, стада зелёных фордовским грузовиков, которые поначалу вызывали смех, но затем, ввиду потёртостей ног и солнечных ударов наступающей пешком основной массы инфантерии, были взяты в штат пехотных дивизий) не укрылись многие детали, которые он описал в своих дневниках:

«... Не успел я сесть в машину, как мотор сразу загудел. Через несколько минут машина помчалась по взлётной дорожке в степи, затем оторвалась от земли. Мы летели на небольшой высоте. Солнце, ещё низко стоявшее на восточном краю небосвода, заливало золотистым светом бескрайнюю степь. Капли росы на выжженной траве блестели, как жемчуг и алмазы. Это было чудесное зрелище. И все же я опасливо поглядывал назад. Стояла отличная летняя погода, а как раз это-то и было небезопасно. Она открывала перед вражескими истребителями различные преимущества: ясную видимость, солнце светило в спину, а не в глаза. В случае налета противника нам пришлось бы худо. От пилота не укрылось мое опасливое поглядывание на восток. Он усмехнулся.

– Можете не беспокоиться, господин полковник. Когда наши истребители в воздухе, ни один русский «як» сюда не сунется. Видите вон там поблескивающие на солнце точки? Это наши. Покажись только противник, они ринутся на него, как ястребы.

Мы летели сейчас в обратном направлении над дорогой, которую прошла в последние недели наша армия.

Редко попадалось на глаза какое-нибудь селение. Очень долго мы летели над шоссе, по которому тянулись на восток колонны машин, груженных предметами снабжения. Сопровождающие их конвойные приветственно махали нам руками. В расстилавшейся перед нами бескрайней степи порой мелькали разбитые танки, орудия или опрокинутые грузовики. Отчетливо вырисовывались линии окопов, в которых еще недавно лежали друг против друга немцы и русские. Взгляд мой нередко приковывали к себе тела убитых красноармейцев или разложившиеся трупы лошадей с уродливо торчащими вверх ногами. Там же, внизу, кончили свою жизнь тысячи немецких солдат и офицеров, утрата которых и побуждала меня сейчас лететь в Винницу. Но тогда как немцы погребли своих товарищей в этой чужой земле, ни у кого не нашлось времени отдать последний долг и советским солдатам, павшим на захваченной нами территории.

Внезапно характер пейзажа изменился. Мы перелетели через Оскол и Донец. Врезавшись в степь поселки с их садами и полями стали теперь многолюднее и крупнее. А затем показался Харьков: море домов, тракторный завод, высотный дом и вокзал, а за ним и аэродром.

Описав изящную дугу, пилот посадил машину на взлетно-посадочную полосу. Самолет медленно подкатил к стоявшему вблизи «юнкерсу-52», мотор которого тут же заработал. Это был самолет связи, направлявшийся в Винницу. Наш штаб армии радировал харьковскому аэродрому, что я вылетаю из нашего степного села. Меня уже ждали. В две минуты я переселся из одного самолета в другой. Там уже сидело несколько курьеров. Раздался гул моторов. Машина стартовала. Она быстро набрала высоту. Полет в западном направлении открывал перед нами картину, полную разнообразия. До самого горизонта тянулись плодородные украинские поля, пересекаемые полосами леса, реками и ручьями. Сеть населенных пунктов была гораздо гуще, чем на первом этапе моего воздушного рейса. Обширные села сменялись городками и городами. Наш «юнкерс-52» летел на высоте около тысячи метров. Мы без труда могли наблюдать колонны транспорта, которые двигались на восток по густой сети шоссе-ных дорог. Все чаще попадались навстречу поезды, мчавшиеся в Харьков. Они везли туда продовольствие, боеприпасы, горючее, оружие и снаряжение. Харьков был главной базой снабжения группы армии «Б».

«... Почти столь же серьезным было положение под Волчанском, северо-восточнее Харькова. Понадобилось ввести в бой буквально последние резервы 6-й армии, чтобы задержать противника. Но затем наступил перелом. 17 мая к Изюмскому выступу с юга подошла армейская группа «Клейст» с III танковым корпусом под командованием генерала фон Макензена. (Это был потомок генерала от кавалерии Макензена, корпус которого был разбит русскими в августе 14-го в Восточной Пруссии.) Одновременно с севера развернула большое наступление 6-я армия. В ожесточенной борьбе удалось окружить наступавшие советские соединения. Это были две изматывающие недели. Ни днем, ни ночью мы не снимали с себя сапог, не говоря уже об одежде. 29 мая весеннее сражение за Харьков кончилось.

«... Хотя в ходе предыдущей операции под кодовым наименованием „Фридрих I“ был уничтожен Изюмский выступ, нужно было принять меры, чтобы создать для 6-й армии более благоприятное исходное положение. 13 июня был предпринят удар на Волчанск, получивший название операция „Вильгельм“, и 22 июня – удар на Купянск (операция „Фридрих II“) совместно с III-м танковым корпусом, который затем остался в подчинении 6-й армии. Танки с грохотом помчались вперед, пехота и артиллерия заняли свои исходные позиции. После короткого массированного огневого удара из сотен орудий наши войска прорвались вперед, смыкая клещи. В течение нескольких дней окруженные соединения были разбиты. Мимо дви-

гавшихся на новые исходные позиции немецких войск продефилировало 20 тысяч пленных в наш тыл».

«...На юге России, западнее Дона, намечалась крупная операция с целью окружения и уничтожения основных сил Красной Армии. При успехе этой операции открылся бы доступ к Волге и Кавказу с его нефтяными источниками и, по замыслу Гитлера, был бы нанесен смертельный удар Советскому Союзу».

...Едва не споткнувшись о колодезный журавль, Адам подошёл к мотоциклисту фельд-связи и передал ему плотно запечатанный сургучом пакет – списки награждённых Золотым и Железным крестом. По станице в этот момент проходил механизированный обоз – громадные колёсные транспортёры Sd/ Kfz. 8. С широкими решётчатыми радиаторами они напоминали таранообразные снаряды времён пунических войн. Пыль, поднимаемая гусеницами и шинами, ела глаза. Под маскировочным тентом то там, то тут виднелись спаренные стволы «Эрликонов» либо тонкие с раструбом 20-мм зенитные автоматы «Бофорс» на вращающихся станках. Шумела сигналами палатка роты связи в желтовато-коричневых, камуфляжных разводах. Русскую молодуху (лыбилась, дура дурую!) обступили германские гренадёры в майках с чёрным орлом или расстёгнутых егерских рубахах на перламутровых пуговичках. Кто-то предлагал ей зелёный мятный леденец в прозрачной упаковке, кто-то тянул на себя коромысло с вёдрами. «О, русски девушка! Шлехт!» «Ой, вы какой! Да не тяните так сильно! И щипаться не надо – не каменная я...»

Едва не попав под гусеницу самоходки Stug III Ausf E (по станице с грохотом и лязгом проходила колонна самодвижущейся артиллерии), к нему спешил юноша в германском френче и пилотке, скошенной на лево. У него была повязка Hiltswillige.

– Герр оберст! Как хорошо, что вы попались мне, – начал он. – У меня хорошие новости...

– Какие, Рус Сергей?

– Только что я встретился со станичным предводителем. Бывший председатель колхоза «Заветы Сталина» потомственный донской казак Остопуленко согласен сотрудничать с германской империей. Он и другие старики готовы встретиться с представителями германского командования и участвовать в наборе молодёжи в восточные батальоны.

– Отлично! – Адам потрепал русского по плечу.

Он вспомнил, как в морозную февральскую ночь 1942 года судьба свела их вместе, чтобы, наверное, никогда уже не разлучить. Будучи в станице Красный Устюг, «в гостях» у русского по фамилии Иванов, что мужественно перенёс пытки в зондеркоманде, Адам вышел на крыльцо подышать свежим воздухом. Ясно светила луна. Серебристо горели звёзды. Чистивший снег юноша на этот раз вернулся из чуланчика с топором. Он вознамерился было колоть дрова. Но путь его почему-то лежал мимо Адама. Раздался резкий оклик «хальт!», и к русскому устремились полевые жандармы. Глядя на винтовки и автомат, смотрящие прямо в грудь, тот был вынужден остановиться. У него отобрали топор. Стали обыскивать. Глядя на всё это, полковник был вынужден вмешаться. Ему почему-то сразу показалось странным, что русский призывного возраста околачивается в станице.

«Дезертир я, – ответил тот, шмыгая носом. – Сбежал от большевиков. Вот, думаю, как послужить Великой Германии. И вашему фюреру. Поможете?»

У него вывернули карманы. Красноармейская книжка на имя Сергея Борисовича Тихонова, 1920 года рождения. Прочитал и перевёл спустившийся с крыльца граф Куценбух. Понятное дело, что у мальчишки он вызвал тихий трепет одним своим появлением. Чего только стоили мёртвые глазницы и скрещенные кости на его кокарде войск СС и ведомства РСХА? Но ничего. Обошлось – никто не умер...

На вездеходе они проехали вдоль наступающих колонн германских войск. Севернее Дона ухало. Над суглинистыми холмами посреди бескрайней, голой степи взлетали высокие султаны чёрного и пепельно-серого дыма. Жёлтым ковром веялась в воздухе пыль. Она упрямо лезла в уши, за воротники рубаш и френчей, под нательные сетки от насекомых, хрустела на зубах. В ряде мест пыль присутствовала в воде. Равно как и соль. Солончаки в этих местах были явление нередкое. Пыль, пески и соль нещадно наступали на степь, как коммунизм на капитализм, с усмешкой заметил про себя Адам. Над будет посмешить Паулюса этим афоризмом.

В направлении Дона и станицы Клётской, за которую шли бои (русским удалось закрепиться на левом берегу, потеснив 8-ю итальянскую дивизию) длинющим потоком тянулись механизированные, танковые и пешие колонны вермахта. От нещадного солнца зеркально вспыхивали кабины транспортёров и грузовиков. От металла восходил пар. Он обжигал кожу. Длинные стволы раскрашенных камуфляжем орудий покрывали брезентовые намордники. В обратную сторону двигался поток русских пленных – в промокших, грязных гимнастёрках, а иные совсем без них. Раненых поддерживали товарищи.

– Не желаете обратиться к своим соотечественникам? – Адам участливо кивнул в сторону, откуда слышались оклики германских и русских конвоиров (последние были, по-видимому, полицаи или из отряда станичной самообороны).

– Честно говоря, да, но... – юноша замялся. Его синие глаза замутила жалость или отчаяние.

– Договаривайте, – ещё более участливо обратился к нему Адам. – Вы испытываете вину? Я правильно истолковал ваше состояние, Сергей?

– Да...

– Они воевали, а вы... О, нет! Вы такой же патриот, как и они. В то время, как они, оболваненные сталинской пропагандой...

Пока Адам читал душеспасительную лекцию, Сергей Тищенко как можно жалостливее всматривался в изнурённые, прокаленные на солнце фигуры. Тех, кого вели без гимнастёрок, с шоколадно-чёрными загоревшими торсами или в грязном нательном белье, по-видимому, были командиры или артиллеристы. Вот встану сейчас перед ними, взгляну в их суровые очи – вмиг ведь растерзают... Или сам отдам Богу концы, подумал он в секунду мгновения.

– Вы что-то сказали! – нарочито громко обратился к нему Адам.

– Да... Я бы хотел остановить колонну. Хотя бы часть, чтобы поговорить. Может у меня получится.

Колонна (вернее, её хвост) по требованию Адама остановилась. До уха Сергея донеслись оклики «станичников», разряженных по такому случаю в синие шаровары с красными лампасами: «Становитесь по рядку, вашу мать! Тудыт её в качель и коромысло! Вы****ки сталинские!» Исхудалые лица пленных с обтянутыми щетинистыми скулами вызывали тошноту. Германский фельдфебель с жандармской бляхой на цепочке прошёл мимо колонны, мягко ступая по истоптанной, взрыхленной гусеницами и шинами земле ботинками в парусиновых гетрах. Он прижимал к лицу платочек. «Katucha ist god!» – скорее одобрительно сказал он. Он подмигнул парню в зеленовато-синем мундире с белой повязкой «хиви». Его круглое сытое лицо лоснилось от удовольствия. «Danke shoon,» – усмехнулся ему Сергей. Он и не думал прибавлять к сказанному Main Herr. Ничего, обойдётся, зараза.

– О, Катюша! – некстати раздалось из длинной колонны инфантерии. – О, да! Великая русская песня! Катюша выходит на русский берег – ждёт своего русского парня...

– О, да! Который сражался с нами под Брестом или Ковелем.
Так уж устроен мир, дружище!

– А мне больше нравится песня о Волге! Русская песня!

– О, Фрицы! Мы скоро дойдём до Волги. Неужели так близка наша цель!

– До войны я смотрел русский фильм «Волга-Волга»! Мы хохотали всей семьёй! Там толстый русский на деревянной бочке поёт, что он водовоз – что без него ничто в России не происходит! Представляете, парни? Так и пел: «Ни туда и ни сюда».

– Тут что-то явно намечается. Этим русским будут предлагать бороться со Сталиным.

– Что ж, правильно! Нечего их задаром кормить в лагерях. Пусть послужат рейху.

– Всё это вздор! Это свиньи! Недочеловеческие ублюдки. Мочатся под себя. Видите, ребята, над ними мухи! На них надо возить воду или камни – так будет лучше...

Проходящие мимо пехотинцы без касок, с загоревшими потными лицами и развевающимися волосами, улыбались Сергею как своему.

– А ты, сука, тоже русский будешь? – услышал он шёпот за спиной.

– Как и ты...

В этот момент показалось то, что никто, пожалуй, не ожидал. Тройка Пе-2 (по фронтовому, просто «пешек») со вспыхивающими плексигласом бронеколпаками, прикрывающими кабины, в сопровождении истребителя Як-1 пронесли над степью. Колонны растеклись так, будто были из неоформленного теста. Но самолёты не бомбили и не стреляли. Они устремились к другим целям.

– Я думаю, после этого вам сложно будет произнести спич, – суховато молвил Адам. Он прошёл мимо колонны русских пленных, щеголеватый, с отличной выправкой, застёгнутый на все пуговицы, с толстыми шнурами аксельбанта на левом плече. Поправил козырёк высокой, спадающей на лоб фуражки. – Предлагаю вам отложить его до лучших времён. Проследуем дальше, на аэродром?

Сергей смотрел перед собой. Позади себя (он не повернулся лицом к колонне, ощущая лишь невыразимый смрад) он услышал в свой адрес немало печатного и непечатного из разряда русской брани. Кто-то жалостливо попросил сигарет. Не оборачиваясь, Сергей протянул зелёную пачку с орлом и свастикой. Как бы случайно, он подставил ножку проходящему мимо полицая-станичнику. Тот, на мгновение, опешив, рухнул в пыль мордякой. Колонна раскати-сто заржала.

– Тогда скажу я, – уверенно произнёс герр оберст. – А вы, надеюсь, переведёте. Ведь так, юноша?

– Попробуйте... – улыбнулся одними губами Сергей. Они были сморщенные и высохшие.

Адам поправил серебряный витой шнур. Выбрав лицо по-дурковатей (в станичной охране они все были таковыми), он остановился подле. Глядячи специально затуманенным взором сквозь него и всё окружающее, он начал как можно спокойней. Делал при этом паузы и расстановки на ключевых местах.

– Русские солдаты и командиры! Вы оказались в плену доблестной германской армии непобедимого рейха. Для вас война благополучно закончилась. Однако среди вас и ваших товарищей, ещё воюющих с нами, есть немало людей, одураченных ядом большевистской пропаганды. Она отравила их души и сердца. Германский рейх не ваш враг! Вы должны это донести...

Сергей старательно переводил. Всё пространство внутри и вовне, залитое до этого золотистым солнечным светом, заполненное сочным запахом дуращей зелени и вывороченной наружу коричневатой земли, по которой двигались неровные тени колыхавшихся повсюду масс техники и пехоты, покрывала незаметно, откуда выползшая непроглядная тьма. По прозрачной лазури раскалённого неба с широко расставленными серыми крыльями в белых подпалинах плыл кречет. Он будто исполнял волю небес. Готовился на кого-то упасть с их высоты – стремительным «камнем», расставив когтистые лапы и растопырив изогнутый клюв.

— ...Россия должна стать свободной европейской страной с цивилизованными законами. Каждый из вас по желанию может отправиться из лагеря для военнопленных на работы в любую из европейских стран. Или занять место в строю. В рядах тех, кто... — Адам на мгновение замялся, но тут же справился с собой, — ...решил бороться с большевистской тиранией с оружием в руках. Кто из вас хочет сделать этот выбор прямо сейчас? Если да, надо сделать один шаг...

* * *

Из дневника полковника Вильгельма Адама:

«...1 июня 1942 года в штабе группы армий «Юг» в Полтаве состоялось расширенное совещание командующих. Гитлер явился в сопровождении генерал-фельдмаршала Кейтеля, начальника оперативного отдела генерал-лейтенанта Хойзингера, генерал-квартирмейстера генерала Вагнера и множества адъютантов. На совещание были приглашены: генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Юг», генерал пехоты фон Зоденштерн, начальник штаба группы армий «Юг», генерал-лейтенант фон Грейфенберг, впоследствии начальник штаба группы армий «А», генерал-полковник фон Клейст, командующий 1-й танковой армией, генерал-полковник Руофф, командующий 17-й армией, генерал-полковник барон фон Вейхс, командующий 2-й армией, генерал-полковник Гот, Командующий 4-й танковой армией, генерал танковых войск Паулюс, командующий 6-й армией, генерал танковых войск фон Макензен, командир III танкового корпуса, и от военно-воздушных сил — генерал-полковник фон Рихтгофен, командующий 4-м воздушным флотом.

Обсуждался план действий на южном направлении. Гитлер уточнил цели наступления, намеченные в директиве от 5 апреля 1942 года. Он вел большую игру, по поводу чего и сам заметил:

— Если мы не возьмем Майкоп и Грозный, то я должен буду прекратить войну».

* * *

...Началось с утра. Танки дивизии в количестве ста штурмовали германские позиции под Жмыховкой. Пехотой они обеспечены не были, если можно было так выразиться. Оторвавшись далеко вперёд (их нарочно пропустили за линию траншей) бронированные машины Т-34/76 с лобовой бронёй 48-мм, десяток КВ-2 с бронированием в 90 мм, а также два английских Mk. II с 77 мм бронёй попали в хорошо замаскированную артиллерийскую засаду. Ушли всего сорок «коробочек». Остальные обгоревшими тушами, с бессильно свёрнутыми набок башнями и застывшими в повороте орудиями остались чадить.

Раза два прилетали наши бомбардировщики. С огромной высоты ТБ-7 принялся забрасывать сотней бомб, чёрным роем высыпавших из необъятного брюха, свои же наспех открытые в степи окопчики. Под общие матюги среди воронок и неостывших трупов на земле из камушков тут же было выложено слово «СВОИ», подкреплённое тремя неприличными буквами. «А ведь могут обозлиться — ещё раз вдарить, соколы хреновы,» — едва пошутил кто-то, с осунувшимся от жары и жажды лицом, весь от кончика носа до макушки каски в белой как мука пыли. Пошутил и тут же смолк. Время для шуток было неподходящее.

Вскоре в ослепительно сияющем, без единого облачка небе появился германский самолёт с неубирающимися шасси. Одно или двухместный моноплан с вращающимся пропеллером. Он принялся кружить над свежестрытыми, плохо замаскированными холмиками брустверов. Спустился ниже, прямо к оврагу, где застыли повреждённые и не очень, измотанные в атаке танки. Там тот час же закипела, вырывающаяся наружу земля. Блеснуло рыжими вихрями пламя. Протяжно загудели осколки. По спинам застучал чёрный дождь сухих комьев с характерным привкусом сладковатого немецкого тола.

– Ух, фрицы! Мать-перемать! В бога, в душу! Все – огонь по самолёту! Перевернулись с брюха на спины. Упор приклад – ложем в грудь! Прицельная рамка – 30 метров...

Так кричал кто-то из уцелевших командиров.

...Принялись дружно палить по стервятнику. Длинными очередями дубасил из ПД с круглым диском Нестеренко. Хохол по происхождению и по призванию. Родом из Донбасса. Красивый, статный парень. С открытым, улыбчивым лицом. Трещала СВТ в руках у Тимурбекова из Узбекской ССР. Было видно, как скалится он, сбросив каску, своим смуглым, скуластым лицом. Как градом льётся с его стриженной под ноль головы пот. Он – охотник там у себя. Наверное поэтому самолёт с неубирающимися шасси, меченный чёрно-белыми квадратными крестами, вдруг завалился на левое крыло. Его древний двигатель-винт чихнул пару раз и совсем заглох. Словом был и выдохся весь.

– Маслопрододка кирдык! Алла акбар! Слава товарищу Сталину!

...Бегом кинулись за балку в степь. Из самолётника, открыв угловатую дверку в квадратной стеклянной кабине колпаком, вылез фриз в сером парусиновом мундирчике. Сорвав с себя лётный шлем с очками, он яростно закричал. На лицах подбегающих к нему красноармейцев было всё написано. Его сбили с ног. Принялись по началу бить ногами и прикладами. Потом – колоть штыками. Зрелище было невыносимое. Но оно помогло зарядить зачерствевшие души необходимой ненавистью. Не, лучше яростью. «...Пусть ярость благородная вздымает как волна. Идёт война народная, священная война...»

С той стороны это наверняка видели. По красноармейским позициям ударили «картофелемёты» – 50-мм ротные миномёты. Маленькие огурцевидные мины, отбрасывая тени, врезались в землю. Раздавались лёгкие хлопки. Вырастали кустики пыли. Осколкам косило залёгших неглубоко людей. На воздух взлетали клочья серых скаток шинелей, зелёные СШ-40, ботинки «гавнодавы» с кровавыми обрубками ног. Без всякой команды остатки штурмового батальона сорвались с места. Навстречу шли в атаку уцелевших после атаки и обстрела танки. Ну, бардак... С отложистого склона балки как на ладони бегущими раскинулась станица Верещагинская. Утопающие в зелени садов белые домики с соломенными, деревянными и железными даже крышами. С длинным известняковым корпусом МТС. Над зданием селпо уже не реял гордо красный стяг. У, гады...

Среди расстроенных рядов метался с оскаленным, почернелым лицом капитан. Бил во всё кулаком. Левой рукой сжимал рукоять «тэтэшника».

– Расстреля-а-ю, мать вашу! На-а-азад! Проститутки! Враги народа...

Кто-то огрел его прикладом в спину. Матерясь, капитан рухнул под бегущие «гавно-давы». Кстати говоря, некоторые успели подумать, что завезли эти ботинки с двойной, подбитой гвоздями подошве, с кожаными шнурками в 1914 году из Америки. Тогда к началу первой мировой войны для действующей царской армии катастрофически не хватало сапог. Вот и завезли с обмотками.

...На встречу в пыльном броневишке с вращающейся башенкой с 45-мм орудием не ехал, а мчался кто-то грозный. В сине-красной фуражке ведомства НКВД. Когда он выскочил, точно его пружиной толкнуло, из открытой наполовину башенки, все увидели глубоко запавшие глаза. Скупились испуганно на его пути.

– Я сотрудник особого отдела дивизии майор Бобриков! Панику прекратить! Остановить паническое бегство. Бегом марш на позиции. Живо, кому говорят! Открываю огонь...

– А ко-ко не ку-ку будет, гражданин начальничек – товарищ командир?

У назвавшегося Бобриковым лицо перекошилось. Как будто было из ватмана, который скомкали и вытерли им стол. Палец скользнул к ложу ППШ, что свисал с левого плеча. Ему, охламону чекистскому, как видно терять было нечего.

– Пальцем-то ствол не лапай! – ефрейтор Цвигун с перебинтованной башкой протопал вперёд. Бросил перед собой фрицевский автомат с плоским магазином. – Не лапай, говорю, ментяра! Был ты им по жизни – сдохнешь, не перекрестишься...

Он оборотился спиной к опешившему особисту.

– Слышь, братва! Кончай драпать! Пятки землёй мазать! Пока этим фраерам грёбаным...

Тут он завернул совсем неприличное. Для этого расстегнул брюки хэбэ на ширинке. Показал то, что было скрыто под ними. Все оглушительно заржали. Кое кто, схватившись за живот, рухнул в землю. Но в следующий момент рухнули все от выросшего чёрно-огненным столбом близкого взрыва. Оборванными струнами запели осколки. По дороге к станции пылило две полуторки с прыгающими на прицепе «прощай Родина». Их необходимо было вернуть назад. Тем более, что...

– Водитель! Механик! Твою налево и вперёд... – орал оправившийся от удара комбат. Он возник из облака пыли в своей одетой на ремешок фуражке с треснувшей кокардой, с гуляющей по бедру планшеткой с неизменным ТТ, который вращался над головой. – Немедленно вернуть эти грёбанные ПТС! Назад! К ним! Стреляю...

Он действительно выстрелил. Скорее всего наугад. Но пуля срикошетила о стальной намордник кабины. Так, что водитель, дёрнулся в узком триплексе, и немедленно дал газ. Ухая на колдобинах, броневиш помчался за двумя пушками.

– Коммунисты ко мне! Комсомольцы вперёд! Беспартийные и сочувствующие – не отставать...

...Навстречу ползли три уцелевших после атаки танка: две махины «Клим Ворошилов» с отметинами на пыльной зелёной броне и английская «Матильда». У неё заклинило шаровой

механизм сплюснутой башни. Скорость была не ахти, так как союзнички изначально создавали как «танк поддержки пехоты». Но броня ничего. Выдерживала и 50-мм снаряды. Разве только длинноствольные зенитки 88-м её пробивали. А по изрытому воронками полю цепями перебежала навстречу поредевшему батальону германская инфантерия. Было видно, как из садов выкатывали бронетранспортёры с 50-мм пушками на броне. Они объезжали подбитые советские танки, чтобы поддерживать огнём свою атакующую пехоту.

– А ну, поворачивай свой драндулет! – заорали танкистам, не видных в задраенных люках. – Куды драпаете, черти?

– Ладно, не вопи! – чумазая рожа в чёрном шлеме показалась в командирской башенке «Матильды». – Где вы были, когда нас фрицы под орех разделявали! Пехота, царица полей! Проститутка, а не царица...

Зеленовато-жёлтая масса красноармейцев, собравшись вокруг коммунистов, спешно приводила себя в порядок. Рассредоточивалась на взводы и отделения. Кто-то привинчивал к стволу винтовки ружейную гранату грушевидной формы (ВКГС-40), которую надо было выстреливать холостым зарядом. Тимурбеков лёжа чистил кожан СВТ, усеянный продольными отдушинами.

Германская пехота была уже близко, когда был открыт (со 100 метров) огонь на поражение. Минут через пять зелено-жёлтые цепи вскинулись, пошли в атаку.

– За Родину! За Сталина! Ура-а-а...

– Смерть фашистским гадам!

– Щас мы вас отдрючим...

Германская артиллерия на самодвижущихся лафетах открыла убийственный огонь. С расстояния 300—400 метров. Серо-жёлтые туши гробовидных «Ганомов» вздрагивали. Из длинных стволов с грушевидными окончаниями вылетали треугольники пламени. Германские пехотинцы срочно залегли, образуя чёткие концентрические круги. Каждый взвод, повинаясь командам и без оных, группировался вокруг станкового или лёгкого пулемёта. Из-за этого создавалось впечатление о насыщенности вермахта автоматическим оружием, но это было не так. Основным вооружением так и оставалась винтовка «Маузер» образца 1898 года. Стрелять из неё приходилось всё также архаически: передёргивая затвор. Появившиеся в больших количествах самозарядные G.41 «Вальтер» и «Маузер» не отвечали запросам. Их старались передавать охране тыла. Пистолет-пулемёты всё также присутствовали в единичных экземплярах.

...Атака захлёбывалась. Германский пулемётчик бил с плеча второго номера из MG-24. Его очереди выкашивали задние ряды красноармейцев. Уже много распростёртых тел с мокрыми бурыми разводами валялось на поросшей ковылём, покрытой воронками земле.

Тут вновь нечаянно нежданно появился грузный ТБ-7. Угрюмо вращая красными лопастями четырёх, а не пяти громадных двигателей, этот бомбардировщик высыпал на «собачью свару» сотню мелких осколочных бомб.

Заслышав тугой свист, немцы и русские мгновенно приникли к земле. Передние ряды, перемешались. Они лежали друг к другу. Тимурбеков упал, не добежав до узколицего солдата в сером хлопчатобумажном мундире, таких же брюках и ботинках с гетрами. Расширенными от ужаса глазами под стеклами никелевых очков этот фриц заторможенно смотрел на узкоглазого «сталинского монгола». Неминуемыми скачками тот приближался. Ужасный кинжальный штык на его причудливом оружии со стволом в дырчатом кожухе, грозился распороть ему брюхо. Через минуту оба лежали, закрыв головы руками. Краем глаза Тимурбеков видел глубокие пластины серой каски, рожок отдушины с красно-сине-белым щитком, а также вентиляционное отверстие врага.

Бомбы легли как нельзя кучно. Ключья человеческих тел, дымящиеся обрывки форменной одежды и обломки оружия покрыли собой оставшихся в живых. По полю бежал живой факел. Кто-то сохранил выданные на взвод термитные шары для подрыва бронетехники, что носились в просторной брезентовой сумке, укутанные в бумагу и солому. Теперь от осколка или неосторожно толчка они воспламенились...

– Auf! Hende Hooch! Shtalin kaput...

Это орал высокий долговязый офицер в сером лёгком кителе (из роты венской 44-й пехотной дивизии или «Хох-унд-Дойчмастер») с красно-белой ленточкой на пуговице. У него в руке был советский ПППШ. Несколько бойцов поспешно встали. Подняли трясушие руки. Они сбрасывали с себя шинельные скатки, брезентовые пояса с подсумками.

– Хер тебе в рожу! От меня лично и всех уркаганов!

Это орал как сирена ПВО Ванька Цвигун. В прошлом уголовник-рецидивист.

– Was? Nixt Verstehen...

– Щас тебе будет! И «вас», и «квас», и пидарас...

Больше не желая терпеть и ждать, Ванька выхватил из-за пояса (загодя туда сунул на случай) короткую саперную лопатку. Самое страшное оружие пехотинца в ближнем бою. Все вокруг, оправляясь от шока, становились на корточки. Начинали подниматься. Немцы и русские удивлённо оглядывали друг-друга. В это мгновение остро заточенное прямоугольное лезвие врезалось под кадык. Затем ушло вертикально вверх.

– Кха-к-к...

Только и успел издать предсмертный звук австриец. Было ли это «Mein Liber Myter» или «kinder», а может быть «My Furer!» Одному Богу было известно. Из распоротой сонной артерии ударила тугая пенная струя тёмно-вишнёвой, как плоды на станичных садах, крови.

В следующий момент всё изменилось. Люди, ещё минуту назад думавшие о том, как странно воевать и как необычно дружить, набросились друг на друга с озверелыми, осунувшимися лицами. Хлопали пистолетные выстрелы. Рассекал воздух шанцевый инструмент. Мелькали непримкнутые и примкнутые ножевые штыки. Русский трёхгранник осиным остриём входил в чужую плоть. С хрустящим звуком... Раны от него были если не смертельны, то труднозаживляемы. Его применение пытались запретить на Гаагской и Женевской конвенциях. Да где там...

* * *

Из аттестации за период с 1933 по октябрь 190 года на командира 99-й стрелковой дивизии генерал-майора Власова Андрея Андреевича за подписью командира 8-го стрелкового корпуса генерал-майора Снегова, командующего войсками КОВО Генерала Армии Жукова и Члена Военного Совета КОВО Корпусного Комиссара Вашугина:

«...»

7. С какого времени в РККА – 1920 г.

8. С какого времени на должностях начсостава – 1920 г.

...

Предан партии Ленина-Сталина и социалистической родине.

...В генерале Власове удачно сочетается высокая теоретическая подготовка с практическим опытом и умением передать подчинённым свои знания и опыт. Высокая требовательность к себе и подчинённым – с постоянной заботой о подчинённых. Он энергичен, смел в решениях инициативен.

Хорошо знает жизнь частей, знает бойца и умело руководит воспитанием их, начиная с мелочей; любит войсковое хозяйство, его знает и учит части заниматься им.

Дивизия, которой генерал Власов командует с января 1940 года, под его непосредственным руководством много и упорно работает над отработкой отделения, взвода, роты, батальона и полка и добилась в этом больших успехов...»

Из материалов уголовного дела М. Н. Тухачевского (собственноручные показания Тухачевского, написанные им после ареста):

«...Из отдельных вредительских мероприятий, подготовлявшихся в штабах БВО и КВО, мне известны нижеследующие: разработка плана снабжения с таким расчётом, чтобы не подвозить для конных армий объёмистого фуража со ссылкой на то, что фураж есть на месте, в то время как такового заведомо на месте не хватает, а отступающий противник уничтожает и остатки. Засылка горючего для авиации и механизированных соединений не туда, где это горючее требуется. Слабая забота об организации оперативной связи по тяжёлым проводам,

что неизбежно вызовет излишнюю работу раций и раскрытие мест стоянки штабов. Недостаточно тщательная разработка и подготовка организации станций снабжения и грунтовых участков военной дороги. Размещение ремонтных организаций с таким расчётом, чтобы кругооборот ремонта затягивался. Плохая организация службы ВНОС, что будет затруднять свой временный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации...»

* * *

Волга... Она предстала ровная, как сталь, ослепительно-синяя, чуть морщинистая от ветра. Гладь одной из самых красивых в России рек. На её берегу раскинулся этот стратегически-важный, промышленный центр, который носил имя Сталина – Сталинград. Завод по производству артиллерийских орудий «Баррикады», металлургический комбинат «Красный октябрь», тракторный завод им. Дзержинского, химкомбинат «Лазурь» с подъездными путями в форме «теннисной ракетки – всё это делало город на Волге, по которой «плыть долго», заманчивой, но сомнительной целью.

Начиная с жаркого, кончая первыми осенними холодами, на этих живописных просторах развернулось одно из самых страшных сражений в истории Второй Мировой войны. В истории всего человеческого рода на этой планете. В задымленном небе эскадрильи люфтваффе висели бесконечно. Выстраиваясь в гигантскую «карусель», Ju-87 (они же «штукас», «певуны» и «лаптёжники») кружили над разрушенным, выгоревшим дотла каменным скелетом великого города. Роняли в бушующие огнём развалины всё новые и новые «поленья» чёрных, казавшихся игрушечными (для тех, кто оборонялся и наступал внизу) бомб. Издавали ужасный, почти звериный вой своими вмонтированными в крылья сиренами. От бесконечных пенных фонтанов на Волге рябило в глазах. Германская тяжёлая артиллерия простреливала эту единственную водную артерию, по которой снабжались защитники Сталинграда. С правого берега с воем выписывали свою дугу советские снаряды. Нередко самоходные баржи, катера и баркасы волжской флотилии, взятые в «вилку», или прошитые из скорострельных пушек с воздуха, шли ко дну. Вокруг них, в маслянистой воде, барахтались люди. Некоторые доплывали до берега. Большинство шли ко дну под тяжестью оружия, патронных сумок и боеприпасов. Если топили корабль с военными материалами, порой целая дивизия на том берегу замолкала. Приходилось идти в бой с голыми руками.

А город и ближайшие к нему окрестности застилали мохнатая шапка дымного пламени. Оно извергалось на поверхность из разрушенных нефтехранилищ на Мамаевом кургане. Горящая нефть ж и р н о стекала прямо в Волгу, сжигая всё на своём пути. Взрываясь фонтанами разноцветных искр, как самое что ни на есть адское пекло. Ветра, продувающие степь с четырёх сторон, создали из этого дыма чёрно-красный, колоссальных размеров крест. Это жуткое зрелище стало по истине пророческим. «...Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось! И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое! И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий вспомнят пред богом, чтобы дать чашу вина ярости гнева Его. И всякий остров убежал, и гор не стало; и град, величиною в талант, пал с неба на людей; и хулили люди бога за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая».

Отслеживая оперативную обстановку, Паулюс часто бывал во временных командных пунктах, оборудованных в зоне непосредственных боёв. 6-я армия несла колоссальные потери. Из рот создавались батальоны. Солдаты и офицеры сходили с ума от напряжения. А непод-

лёку, раскинувшись на Волге, стояла Астрахань, где не было русских войск. Её можно было взять безо всяких усилий. Но приказ фюрера и верховного командования был иным: только Сталинградская крепость! Хотя никаких укреплений им брать не пришлось.

Впервые в истории Второй Мировой войны сражение разыгралось внутри города. На улицах, в «коробках» разбитых домов. В подвалах и системе канализации. Советские солдаты генерала Чуйкова, командующего 62-й армией, применили тактику боёв, которая лишала немцев их преимущества – массированных танковых атак. И фланговых «обводов». В большом городе трудно было ориентироваться. Тем более среди дыма и огня, застилавшего небо. Невозможно было рассчитывать на сигнальные ракеты. Радиосигналы глушили железобетонные развалины. Из щелей, оконных проёмов и баррикад русская пехота, среди которой часто мелькали «полосатые черти» в бескозырках, разила танки и самоходки. Зажатый стенами домов панцер с оборванной гусеницей становился отличной мишенью. Русские наловчились подбивать переднюю и замыкающую машины – их добычей становилась вся колонна. Не приспособленная к уличным боям германская пехота несла потери. Стали использовать части полевой жандармерии и сапёров – они были обучены тактике боёв в городе.

Циклопические развалины Тракторного завода им. Дзержинского (СТЗ), что раскинулись за Купоросной балкой, поразили воображение генерал-полковника. Здесь почти не переставая, под огнём 105-мм гаубиц и бомбами пикировщиков, русские продолжали выпускать с конвейеров десятки танков Т-34. Без краски, а порой без прицелов танки шли в бой. Это поражало воображение! Порой, в искореженных 62-тонных Кристи обнаруживались люди в рабочих спецовках. Они висли на рулях, застывали за окулярами танковых прицелов. Свисали из башенных и лобных люков. А подходы к заводу «Баррикады» защищали девушки-зенитчицы. Не умевшие стрелять из 85-мм пушек по наземным целям, они продержались менее часа. Панцеры и панцервагенс Курта фон Зейдлица-Курцбаха, смяв этот слабый заслон, на целую неделю увязли в боях. За цеха, что обороняли поначалу лишь рабочие из ополчения.

...Паулюс пытался вызвать в памяти образ русского старика. Время от времени у него это получалось. Особенно ночью, когда он лежал на походной алюминиевой койке. Смотрел в темноту перед собой. Видел какие-то неясные свечения. Из них нередко возникало знакомое ему до боли, по отечески ласковое лицо.

«...Да, я был не прав, отец, когда не послушал ваш мысленный совет. Я продолжил службу в вермахте. Продолжил воевать. Сейчас подчинённые мне солдаты сеют разрушение и смерть в т в о е й стране. Стало быть, я являюсь главным преступником. Ответственным за эти страдания и разрушения. Эти солдаты подчиняются своим офицерам. Они получают приказы от своих генералов. А генералы... Я изо дня в день отдаю в штабе приказы. Убийственные и бессмысленные. Всем существом я ощущаю, что нет тех оправданий, которые могли бы смягчить мою жалкую участь...»

«...Да, оправданий нет и не должно быть. Однако ты не единственный, кто ощущал себя таковым в ВЕЛИКОЙ ПРИРОДЕ. Многие, очень многие видели себя со стороны и ужасались. Считая себя ранее непорочными, каждый из них вскоре обнаруживал своё ужасное несовершенство...»

...Паулюс, устало запахнувшись в генеральский китель, вышел во двор станичного дома. Тёмно-синее, почти чёрное небо было усеяно гирляндами созвездий. На них, возможно, теплилась или зарождалась чья-то жизнь. Дай бог, чтобы там не повторился тот кошмар, в кото-

рый ввергла себя наша сумасшедшая цивилизация, подумал Паулюс. Он ощущал всем телом и душою лёгкую, успокоительную прохладу. Она мягко обволакивала плечи. Проникала в лёгкие. Снимала напряжение у бешено работающего головного мозга.

В той стороне, где в огнях пожарищ раскинулись безобразные руины Сталинграда, тоже стояла удивительная тишина. Похоже, боевые действия временно прекратились. Стороны достигли неофициального перемирия. Такое случалось на войне. С обеих сторон выходили парламентёры с белыми платками. Или отрезами простыней на палках. Они предлагали не открывать огня, пока не уберут раненых или не похоронят убитых. И меж бездыханных и ещё живых тел, посреди воронок и развалин, ходили бок о бок те, кто стреляли друг в друга. Ни, комиссары, ни особисты не мешали русским. А немцев не пугали ни SS, ни Abwehr.

Между тем в руинах начались снайперские бои. Германских «ангелов смерти» возглавил майор Кёнинг. Чемпион Олимпийских игр по стрельбе и личный друг рейхсфюрера SS Гиммлера получил задание: создать систему губительного огня. Чтобы «русские фанатики» ни днём, ни ночью не чувствовали себя в покое. Похоже, это у него выходило плохо. Потому что с русской стороны против него действовал охотник-сибиряк Василий Зайцев. Его снайперы укладывали немцев как на стрельбищах. Майор, памятуя о своих олимпийских регалиях, тщетно пытался достать пулей «неполноценного русского», пока сам не нарвался. Пуля русского сразила его прямо в лоб среди развалин Сталинградского элеватора.

«...Вот так унтерменш, – сказал по этому поводу Адам. Ему заносчивый Пауль Кёнинг не нравился ещё при жизни. – Это я о русском! Кто бы мог подумать! Рейхсфюреру будет тяжело пережить своё поражение. Он явно проиграл свою битву за Сталинград. Как вы думаете, герр генерал, каковы наши шансы?» «Вильгельм, вы, я вижу, не унимаетесь в своём красноречии! – улыбнулся ему Паулюс. – Оно не доведёт вас до добра. Лучше спросите своего русского друга. Как есть... Сергей? О, да. Он помогает вам изучать нравы русских. Или обратитесь к капитану Больро из оперативного отдела. Он, если не изменяет моя память закончил русское пехотное училище в 20-х. Наверняка, у него не стёрлись воспоминания о славянском коварстве...»

Паулюс прогуливался между высокими штабными автобусами, фургонами походных радиостанций, легковыми «мерседесами» и «опелями». Всё было затянуто маскировочными сетями. На редких возвышенностях стояли зенитки-88 и 20-мм автоматы. Русские Пе-2 (У-2), старомодные бипланы, неслышно стрекоча моторами, подбирались к германским штабам или позициям. Прицельно-точно сбрасывали на головы или в открытые люки осколочные, а также фугасные бомбы. Летели они на низких высотах, не доступных для зенитной артиллерии (она не могла взять такой угол), а также скоростных «мессершмиттов». За сбитый самолётик полагался Железный крест и отпуск в фатерлянд. Их прозвали «кофейными мельницами», «хромыми воронами», а также «дежурным унтер-офицером». Также как и он, они неслышно подкрадывались и беспрепятственно уходили восвояси.

Время от времени прохаживались фигуры часовых в стальных шлемах, с винтовками или автоматами. Но Паулюс старался держаться незамеченным. Он как никогда нуждался в том, чтобы побыть одному. Он вспомнил невольно о былых боях. 6-я армия, встречая упорное сопротивление русских 61-й и 62-й армий, сумела выйти к Волге. Потери были не символические – с момента боёв за Харьков было убито и ранено до 100 тысяч человек! Панцердивизии лишились 30% «роликов», многие из которых, правда, удалось восстановить и поставить в строй. Русские потеряли вдвое больше, особенно в танках и авиации. Всё потому, что коман-

дующий Южным фронтом маршал Тимошенко и член Военного Совета Хрущёв действовали в худших традициях наступательной стратегии. Под угрозой приказа №227 (который, к слову, скажем, карал лишь трусов и дезертиров), прикрываясь именем Сталина, они гнали в неподготовленные контратаки на закрепившиеся в обороне части вермахта своих солдат и бесценную технику. Получив копию приказа операции «Фридрих» (был сбит майор Рейхель из оперативного отдела группы армий «Б»), они развили наступление на Изюмский выступ без должного взаимодействия с другими участками фронта. После провала 2-й ударной армии и потери Крыма, после чего стало ясно – в окружении Сталина есть утечка информации. А выход к Сталинграду, на подступах к которому создавались мощные оборонительные сооружения, стал возможным по одной причине – окружение в районе Калача танкового корпуса. Он прикрывал после потери Орла (тоже сильно укрепленного!) выход к городу. Вместо того, чтобы занять эшелонированную оборону, повинувшись приказам Хрущева и Еременко, нового командующего Южным фронтом, бывшего сотрудника охраны Троцкого, ударили по наступающим танкам Зейдлица-Курцбаха. И попали в «котёл».

Паулюс вздохнул. К удивлению своему он увидел прогуливающегося по станичной улице полковника Адама. Тот заметил своего генерала. Ускорил встречный шаг. По опыту он знал, что предстоит интересная, очень важная беседа.

– Почему вам не спится, Вильгельм? – тихо спросил Паулюс. Он старался смотреть прямо в глаза, как это делал русский старик. – В такое судьбоносное для рейха время его солдатам необходим длительный и спокойный сон. Разве только генералы... На них лежит такое бремя – в том числе, о спокойном сне своих подчинённых...

– Я пробовал написать письмо жене, – молвил Адам, подойдя к Паулюсу вплотную. – У меня ничего не вышло. Из головы не выходит тот полевой лазарет. На развалинах вокзала, где мы побывали вчера. Помните, герр генерал?

Паулюс нахмурился. Коротко кивнул. Как такое можно забыть? «Кюбель» в сопровождении мотоциклистов охраны вёз их по улицам, которые походили на скальные обломки. Всюду торчали вывороченные, согнутые в штопор взрывной волной стропила, искорёженная арматура выглядывала из развалов как обглоданные рёбра или скрюченные пальцы. То там, то тут виднелись обгоревшие остовы русских и германских танков. Дымили искорёженные бронетранспортёры и самоходные орудия. Над восходившими к небу каменными обломками виднелась громада элеватора из серого бетона. Сам вокзал был объят пламенем. Мимо них сновали германские солдаты. Их лица под глубокими стальными шлемами были покрыты копотью от пожарищ. Мундиры были изорваны и перепачканы в саже. Переносили пулемёты, перекачивали 37-мм пушки. Переносили на носилках раненых. Они прошли в полевой лазарет, что расположился в пакгаузе. Прямо на каменном полу лежали десятки раненых. Обер-ефрейтор, которому доктор только что отпилил блестящей, красной от крови пилой ногу (её пронесли мимо Паулюса и Адама в цинковом тазу) сидел и улыбался. Он жадно затягивался папиросой, словно не чувствовал боли. «...Иваны дерутся как звери! – внезапно произнёс он странным, нечеловеческим голосом. Его глаза дико блеснули. Он истерически захохотал. – Из моего батальона остался в живых я. Только я! Все погибли! Они всех здесь перебьют. Если хотите знать, то это – кара Бога за наши грехи...»

– ...Победы нашего славного вермахта не дают нам права писать победные религии. Особенно, когда до конца дела осталось ещё далеко, – продолжал Адам, вдумчиво улыбаясь.

Словно разговаривал сам с собой. – Жене, которую я горячо люблю, нельзя лгать даже в письмах. Она всё поймёт и всё простит. Каково будет мне смотреть её в глаза? Выносить эту пытку?

– Каково будет нам всем... – тихо произнёс Паулюс.

Он мысленно перенёсся в другой памятный день. 23 августа 1941 года. Тогда сотни самолётов 4-го флота Рихтгоффена (Ju-88, He-111, Do-17, Ju-87) нанесли смертоносный удар по городу Сталина. По приказу последнего, доведённого до 1-го секретаря обкома Чуянова, эвакуация гражданского населения как заводов и учреждений категорически запрещалась. Она могла быть расценена как сигнал к сдаче города. Жертвы были колоссальные. Под обломками гостиницы «Интурист» погибли раненые бойцы и командиры Сталинградского фронта. Не спасся никто.

Паулюсу вспомнилось и другое. Вчера они поднялись по крутой лестнице водонапорной башни. Оказались над Сталинградским вокзалом, откуда простилалась панорама всей битвы. Вдали, над руинами домов, где улицы скрещивались у овальной площади Павших борцов, высилось большое здание с фронтоном и полукруглой аркой – Центральный универмаг. Его внутренние перекрытия осели и провалились. Осколки выбитых стёкол над колоннами кроваво отражали языки пожаров и блески взрывов. Там засели русские из состава моряков волжской флотилии и высадившихся пехотинцев 61-й армии. Туда по данным воздушной разведки (Паулюс сам держал в руках свежераспечатанные снимки) на самоходных баржах были подогнаны и выгружены два десятка Т-34/76 и КВ-2. Помимо всего прочего – полевые орудия калибра 76-мм, прозванные в вермахте за эффективность огня «рахат-бум». Русские создавали баррикады из обломков, сваренных из рельс «ежов», минировали противотанковыми минами подходы к Волге. На крыше универмага скорее всего находились корректировщики: русские 122-мм гаубицы Л-3 с того берега слишком точно поражали скопления германской пехоты и танков ещё в развёртывании. На площади вокзала, возле фонтана со скульптурной композицией из пионеров и лягушки (подобный фонтан был у Центрального универмага), группировались под прикрытием дымовой завесы PzIV и PzIII Ausf G, F1 и F2. Эти пантеры были снабжены дополнительными бронезэкранами и часть из них была вооружена длинноствольными 75-мм пушками. Они выпускали выхлопы синтетического бензина, который всё увереннее гнали в рейхе. За ними, спешившись с грузовых «опелей», полугусеничных «бюссингов» и «опель-маультиров», Sd. Kfz. 8 а также бронетранспортёров «Ганномаг», выстраивалась в боевые порядки пехота. Штурмовики выделялись короткими маскировочными куртками, а также русскими ППШ-41, которые были незаменимы в ближнем бою. В транскрипции вермахта эти автоматы получили обозначение MP-717 (г). Справа со стороны пакгаузов разворачивалась батарея 105-мм Se HF 18. Она принялась обстреливать волжские переправы. Из длинных хоботов 6-тонных пушек с массивными станинами вылетали лоскутья пламени. Тут же офицер связи, протянул к ним провод полевого телефона: генерал фон Зейдлиц-Куртценбах докладывал что танки и самоходки саксонской дивизии заняли «Дом лётчиков». Это было на левом фланге. Да, такое же полукруглое здание из розового туфа. Чем-то схожее с Центральным универмагом.

Вскоре площадь вокзала с музеем обороны Царицына были накрыты огнём из 102-мм миномётов системы Шавырина. Взметнулись клубы дыма вперемешку с огнём и обломками. В мембраны «Эриксона» донёлся знакомый голос: «Генерал-полковник! Русские силами десятка танков КВ-1 и пяти Т-34 атакуют мои позиции. В моём распоряжении четыре самоходки Stug III Ausf E, три Pz III Ausf H. Пять Pak 38. Немедленно вышлите поддержку люфтваффе и подтяните танки! Нам не выстоять...» Это кричал командир саксонской 113-й

дивизии. Он как в воду глядел: через пол часа русские отбили «Дом лётчика». Стали с левого фланга обходить боевые порядки вермахта. Вскоре с площади Павших борцов выползли тяжёлые и средние русские танцы. КВ-1 по зелёному корпусу и угловатым башням были окрашены белыми полосами. Они только что расстреляли севшие на мины танцы. Теперь помогали русской пехоте штурмовать здание исторического музея и вокзала. Зеленовато-жёлтыми горошинами, пригибаясь и залегая, за ними бежали пехотинцы. Некоторые катили за собой прикрытые щитками станковые пулемёты «Максим». Из окон музея (здание было из красного кирпича, с белыми каменными наличниками на фигурных окнах, с шатровой крышей из железного листа) повалил густыми клубами дым. Вылетали пучки искр. Тридцатьчетвёрка с ходу распластала гусеницами 50-мм противотанковое орудие. Прислугу, что попыталась отползти, расстреляла русская пехота. Артиллеристы были вооружены пистолетами «Люгер». Seriously отстреливаться они не могли. Вскоре все трое дёрнули в предсмертной судороге ногами в сапогах, подбитых гвоздями.

Т-34, разворачиваясь на одной гусенице, вёл круговой обстрел здания вокзала. Одновременно поливал очередями вход и выход музея. Оттуда, из огня, пытались вырваться германские пехотинцы. Надо было эвакуироваться – промедление грозило попасть в плен. Этого ещё не хватало, подумал Паулюс. Он затопал каблуками по лестнице вниз, где ждала охрана и «Кюбель». А над площадью уже летел Пе-2, русский скоростной пикирующий бомбардировщик. Он уронил бомбы на тяжёлую батарею. Накрыв огнём из скорострельных пушек тяжёлые 75-мм орудия образца 1913 года. Пролетел в сторону Домов специалистов желтовато-зелёный бомбардировщик Вг. 20 Cicogna в окружении трёх остроносых истребителей С.200 Saetta из состава итальянской 22-й истребительной группы С. А. F.O. Германские He-111 эмблемой «красного барона» бомбили переправы. Там копилось множество мирных жителей, а также военной техники. Сбитых над Волжскими переправами германских лётчиков обычно в плен не брали. Толпа разрывала их на части. На острове «Голодный» расположился штаб 46-й дивизии. Её командир и начальник вскоре будут расстреляны по приговору военного трибунала за самовольную эвакуацию.

Это был один из ста дней битвы за Сталинград. В ходе, которого город, вернее его объятые дымом и пламенем руины, переходили по многу раз из рук в руки. Эта кровавая мясорубка выкашивала многие тысячи людей. Прежде всего, молодых и здоровых. Волею судеб им было уготовано участие в кровавом эксперименте.

– ... Я тоже люблю свою жену и своих детей, – продолжал Паулюс. – Они остались далеко в Германии, хотя постоянно пребывают здесь, в моём сердце. Им тоже нельзя лгать. Этой болезнью, Вильгельм, больна вся нация. Мы боимся признаться друг-другу во лжи – какой чудовищной л о ж ь ю даются нам эти победы! Я сейчас вспомнил этого русского с бородой. Если он прав, то мы все обречены. Это нужно принять как должное. Как наказание, ниспосланное Богом.

– Не понимаю вас, герр генерал, – полковник Адам нахмурился. Он неслышно сдвинул начищенные каблуки сапог. – По-моему, вы хотите сказать, что война проиграна? Не так ли?

– Нет! Война только часть нашего поражения, – смутился Паулюс. – Мы проигрываем жизнь, которая кончается там, где начинается страх перед вечностью. А она велика. К сожалению, мы этого ещё не понимаем. Этот русский понял...

Он указал длинной рукой на красновато-зелёные огни Кассиопеи, что раскинулись прямо над ними. Они готовы были обрушиться и придавить собой всё неразумное, истребляющее себя человечество. Во всяком случае, так казалось.

– Мой друг! Это тоже жизнь, – неожиданно сказал он. – Возможно, что некая сила, будь то Великий Бог или таинственные жители далёких планет, взяли и поделили часть с в о е й жизни. Путём сложнейших молекулярных процессов создали с а м и х с е б я через нас. Сотворили человека по образу и подобию своему, как это сказано в Святом Писании. Мой друг! Я никогда не задумывался над этим, но этот русский... Верите ли? Он изменил меня. Проник в мою суть и зажёг её интересом к н о в о й жизни...

Они некоторое время помолчали. Светало... В воздухе гудел Bf 189. Знаменитая «рама», которую было трудно сбить расчётам ПВО. Этот самолёт-разведчик с огромной высоты фотографировал расположение врага. Передавал точные данные в штаб люфтваффе, который немедленно высылал эскадрильи «штукасы», либо радировал артиллеристам или химическим миномётам.

– Боюсь, что с такими мыслями вам сложно будет отдавать приказы, – заметил Адам. – А в остальном... Я тоже вспоминаю об этой удивительной встрече. Она говорит о том, что надо быть честными. Мы попали в другой мир. В другое измерение жизни. Стараясь подчинить его своим правилам, мы изменились сами. «Жестокость и ещё раз жестокость»! Фюрер не прав. Жестокостью не подчинить волю народа с тысячелетней историей. Жестокость – тот инструмент, который изменяет нас самих. Мы перерождаемся: из сверхчеловеков превращаемся в расу карликов и пигмеев, – Паулюс виновато усмехнулся. Кивнул в знак согласия. – Возможно, русский прав: этот контроль выдумал Бог. Как ОН выдумал нас. С тем, чтобы мы вершили Суд над Ним, а Он – над нами.

– Это замкнутый круг, Адам, – вздохнул Паулюс. – Человечеству из него не выйти. Человечество всё время пытается разорвать этот порочный круг войнами.

– Возможно это так, – Адам осмотрелся. – Возможно... Спокойной ночи, герр генерал. Увидимся уже сегодня. По оперативной сводке – русские снова начнут наступление в районе посёлка «Баррикады». Там будет пекло...

* * *

...Цвигун выбрался из воды. Пристань горела. Ярко-оранжевые языки пламени обгладывали низкие деревянные постройки. На боку, выглядывая на половину из воды рубками и трубами, показывая острые носы, лежали баркасы и катера. Автомат пришлось утопить, что б спастись самому. Баржу, на которой переправляли батальон 35-й стрелковой дивизии, потопили вражеские пикировщики. Как только она оказалась на середине Волги, те налетели из-за туч. Бойцы дружно открыли огонь из стрелкового оружия. Но очередь из автоматической пушки один «лаптёжник» разбил форштевень. Затем в ключья разлетелась фанерная радиорубка. Вышло из строя рулевое управление. Баржа, работая мотором вхолостую, стала кружить на месте, вспенивая мутно-синюю воду. Раздался крик: «Братцы! Тикай! Щас потопят!» Все кинулись в воду, срывая с себя шинельные скатки, патронные сумки, швыряя оружие. Цвигун, выпустив последние две очереди из ППШ (дождавшись, пока затвор брякнет металлом), стремглав прыгнул головой вниз. Шумно зарылся в волну.

Он выбрался на жёлтый песок босой. В одной гимнастёрке без ремня. Из оружия – самопальный ножик с деревянной ручкой, что был привязан к телу. Да бритвенное лезвие «Нева», что зашито надёжно в воротник гимнастёрки. На песке сейчас же взметнулись фонтанчики. Вот б...! Снайпер... Цвигун тут же нырнул головой за разбитую лодку. Щёлк-щёлк! Над головой образовалось два выходных отверстия. Звездообразной формы. Падла фрицевская! Не видать тебе твоей мамы, если я до тебя доберуся. Помяни моё слово.

Дождавшись момента (у фрица должна была выйти обойма), он с перекатом достиг откоса. Вскрабкался по нему к ближайшим развалинам. Никого... Только дымила разбитая полуторка. Рядом – два бойца с натёкшей под ними кровью. Один лежал крестообразно, раскинув руки. Другой, привалившись к рубчатому скату, казалось, смотрел в пыль. Пуля снайпера угодила ему в висок. Похоронить бы вас, братки, да возможности такой нет.

Он переполз через груды битого кирпича. Держа ножик лезвием к себе, прополз на локтях половину подвала, что зиял многочисленными отверстиями от снарядов. Лучшего места для стрельбы не сыскать. Где э н т о т гад? Где?..

– Ты не меня ищешь? – возник точно из небытия голос.

– А то...

Цвигун перестал дышать. Он слегка оборотился. Оставаясь в положении лёжа. Позади стоял высокий фриц. Упакованный по первому разряду. На груди – бинокль в чехле. Сам – в пятнистой куртке. Голову украшала кепи. На локте, по-охотничьи, тот держал винтовку с оптическим прицелом, что для верности была обмотана парусиной. Рожа закрашена неровными чёрно-зелёными полосами. Испугаться можно...

– Ты не меня ищешь, Рус Иван? Com zoom Mir!

– Я тя щас урэкаю! Падла ты сиамская, – Цвигун смачно сплюнул. – Ежели не угомониши...

– Was? Ты есть шутить? Русски шутка...

Цвигун быстро прикинул: отступать некуда. Немец был явно с навыком. Первым же выстрелом срежет наповал. Умирать, естественно, не хотелось. Но у немца был единственный недостаток. Единственный и неповторимый: он был в фаворе. Его пёрло от куража. Хотя и встал он с «прикрытой спиной» – к выщербленной стене.

– Курево есть? – оставаясь в положении лёжа, бывший рецидивист сделал движение щепотью пальцев. – Курить, говорю, брось! Перед смертью страсть как охота.

– О! Загадочный русски душа, – немец рассмеялся. – Ain sigarette?

Тут над его головой чиркнула пуля. Стреляли со стороны берега. Под углом, что труден для опытного стрелка. Пятнистая фигура приникла. Кувырок... Немец отпрыгнул. А Цвигун бросился за ближайшую кучу кирпича.

Советский снайпер ловил в окуляр прицела врага. Но тщетно. Он был готов стрелять на движение. Стрелять по любому движущемуся предмету, чтобы самому не стать мишенью. Но всё живое в развалинах приникло к каменным обломкам.

Цвигун осторожно цапнул обломок кирпича с куском цемента. Бросил его. Тут же запела рикошетом пуля. Твою мать... Ежели стреляет свой – точно пришьёт! Ежели немец... Правда, по выстрелу было слышно – работала трёхлинейка системы Мосина. Но фрицевские снайперы ей тоже не брезгают. Лишь меняют нашу оптику на свою – цейсовскую. Осталось одно испытанное средство. Ох, ни раз оно на войне выручало.

– Твою мать в бога, в душу! – заорал Цвигун. – Ты меня слышь или нет, бисова душа? – ответа, как и следовало ожидать, не последовало. Наш и германский снайперы молчали, чтобы не выдать себя. – Ну, молчи! Понятливый я уродился на этот свет. Я щас брошу кирпич! Понял?! Ты в то место не пулай.

Он подбросил кирпич. Выстрела – слава тебе, Господи! – не последовало. Зато рядом стукнулась о бетон длиннорукая граната. Из железной ячейки в деревянной ручке, где был вырван предохранительный клапан, с лёгким шипеньем выходил воздух. Ну, падла фрицевская! Быстрее ветра, матерясь, что есть мочи, Цвигун метнулся к ней. В мгновение ока схва-

тил. Забросил далеко. Она смачно рванула. Резанули оборванными струнами осколки в перемешку с битым кирпичом. Всего десять секунд. Они спасали жизнь, если успеешь перехватить и кинуть «гостинец».

...Осколок кирпича угодил ему в лоб. Разум выскочил через потаённую дверь души, что широко распахнулась в голове. Потерялся среди огромных шаров. Зелёных и красных. Скользнули воспоминания. Беспризорное детство. Колония. Лагерь... Когда очнулся – его чувственно шлёпал по лицу какой-то узкоглазый, низкорослый субъект в ватнике. В зелёном, мятом и тёртом шлеме с красной, плохо различимой звёздочкой. Цвигуну хотелось встать от такого панибратства. Двинуть узкоглазого по его серой от пыли, коричневой роже. Он было поднял руку, но она была непослушна ему. Существовала как бы отдельно от тела.

– ...Ты, Васька нехороший! Злой совсем! Зачем драться собрался? Зачем бить будешь? Не враг я! Смотри хорошо! Узнаёшь, шайтан неверный? – смеялся, скаля зубы боец, который становился совсем знакомый.

– У, блин! Дык это ты – Тимур?..

– Я буду! – рука Тимурбекова переместилась на лоб. Поколдовала над раной, из которой водопадом текла кровь. – Якши, мякши! Врачуи баба, врачуи деда! Шайтан не надо! Уйди! Здоров будь без шайтан. Ну, вставай...

– Ох, мама не горюй! – рассмеялся Цвигун.

Он едва приподнялся на локте, когда вспомнил про фрица. Но тут же успокоился. К корявой стене с обнажившейся под штукатуркой оранжевой кирпичной кладкой стояла маузеровская винтовка. С длинным оптическим прицелом.

– Убил что ли? – недоверчиво молвил он.

– Нет! Не убил, – засмеялся Тимур Тимурбеков. – Гранату ты бросал. Он под камень попал. Под завалом лежит. Стонет...

– Добей эту падлу, – застонал от ярости и жалости Вася. – Он же мною как фраером помыкать думал! Ты видел?

– Я тебя, Вася, видел. Думал: ты – не ты? Потом его видел. Как он с тобой говорил. Думал он и ты – оба фрицы. Потом ты его ругал. А я стрелял. Нехороший угол для стрельбы! Вот я и стрелял, что б ты ушёл. Потом ты меня ругал...

– Ладно, – махнул рукой Цвигун. – Проехали!

Он, цепляясь за стену, подошёл к винтовке. Взял её за ремень. Пошёл наугад...

...Когда он действительно пришёл в себя, вокруг было темно. Мелькали всполохи пламени от разрывов. С Волги доносились крики: «Тону! Помогите!» Стучали очереди из пулемётов. С берега бил зелёными трассерами крупнокалиберный Дегтярёва-Шпагина. Ему из развалин, что были в ста метрах, отвечал оранжевыми германский MG-34.

Он пополз, ужом прижимаясь к бетону. Усыпанному битым кирпичом и стрелянными гильзами. Внезапно остановился. Замер как вкопанный в землю по самые уши. Прямо перед ним в стенном проёме лежали две фигуры. На головах у обоих знакомые шлемы. С рожками отдушин и оттопыренными боковыми пластинами. На задах – цилиндрические футляры противогазов. Отставленных ног подошвы блестели в серебристо-лунной темноте шляпками гвоздей. Один из лежащих прижимал к согнутой в локте руке деревянный приклад «ручника» MG-42. Они тихо переговаривались. А у него было только лезвие за подкладкой воротника с защитными петлицами, да нож на верёвочке. Самое главное – как его не заметили? Ведь лежал мешок-мешком. Знать, истинно Бог уголовную душу любит. Или смилостивился, или шанс какой даёт. Смотри, мол, не промахнись...

Внезапно раздалось «Ahtung! Feuer!». Дырчатый кожух с воронкой изрыгнул бледный сгусток. Не помня себя от ярости (в ушах стоял вопль-призыв о помощи!), Васька, как дикий кот, прыгнул с ужасающим рёвом. Он бил ножом по живому. Издавая нечленораздельные звуки. Кто-то тянул к его горлу засученные до локтей руки. Чьи-то пальцы царапали его кадык. В лицо брызнула тугая, липкая и солёная струя. Кровь... Вражья кровь! Руки немца обмякли. Пальцы разжались. Всё! Капут-аллес...

Он без сожаления обшарил карманы. Вывернул их наружу. Письма и фотокарточки, нераспечатанные игральные карты. Пачку бумажных денег. Всё это он бросил веером. На боку у одного в чехле – обнаружил двустольную ракетницу. Осторожно выглянул наружу. Меж обрушенной стеной и знакомой полуторкой стоял с открытыми люками танк Т-34. От него несло гарью. Двигались какие-то неясные тени. Эх, раскрыть бы сумку! Там сигнальные патроны с разноцветными головками. Два белых – перенос огня ихней артиллерии. Вот, если б... Но в темноте – не различишь ведь!

В ту же минуту донеслись хлопки. Стреляли, судя по звуку, наши тяжёлые миномёты с берега. Тот час же – з а к и п е л о. В прямом смысле этого слова. Блеснули вспышки лохматых взрывов. Дыбом встала земля. Сверху обрушились железные стропила, что погнулись о бетон фундамента. Посыпались угловатые обломки бетонного перекрытия. Наши, как видно, работали по развалинам. Где проявил себя вражеский пулемёт. Им было невдомёк, что лупят по своим.

– Эй, живые есть? – раздался голос по-русски.

Палец Цвигуна машинально дёрнулся на спусковом крючке. Пулемёт резанул короткой очередью по развалинам. Трассирующие пули красным пунктиром ударили по обломкам. Высекли пучки искр. В следующий момент сильная рука обрушилась ему на голову. Зажала рот. Другая рука обхватила его поперёк туловища. Рывок... Цвигуна оторвало от бетона. Швырнуло на него.

Он лежал носом на убитом фрице. Руки были закручены за спину. Казалось, их завязали штопором и завернули узлом. Сверху бубнили (похоже, на русском!) голоса. Один предлагал его «пристукнуть, падлу!». Другой – захватить «на тот берег», к особистам. Или – в разведзвод 33-го батальона волжской флотилии.

– Бра-а-атцы... – замычал как бурёнка Васька. – Я ж свой! Пустите, не сбегу...

– Не врёшь?

– Ей-ей! Падлой буду!

– Верующий что ли?

– Поневоле им станешь!

Голоса снова забубнили. Казалось, на мгновение вспыхнул карманный трофейный фонарик. Подсветило зеленоватым, а затем красноватым светом.

– Ладно! Распусти ему узел, Петро! Слышь, вражина? Будешь рыпаться – фюрера своего на новый год в гробу увидишь. Понял?

– Понял, понял! – благодарно заторопился Васька, запоминая оскорбления.

Оказавшись на спине (руки оставались закручены), он с радостью увидел склонившиеся над ним фигуры. Обе были в защитных гимнастёрках, но с полосатыми тельниками. На голове у одного была каска, у другого – бескозырка с тускло-золотой надписью «Свирепый».

– Браты! Миленькие! – запричитал Цвигун.

– Ладно! Кто такой? Где документы?

– Так я с потопленной баржи! С 33-го пехотного! Нас того – «лаптёжники» потопили. Я выплыл. Вот вам крест! Руки развяжите – Христом Богом...

– Ишь какой быстрый! Руки ему... Как докажешь, что ты – это ты?

– Так я это... – у Цвигуна помутилось в ушибленном лбу. – «Смертник» должен быть в левом кармане. Пошарьте...

– Допустим, что найдём. Как докажешь, что твой?

– Да вы ч т о!?! Свой – говорят вам!

– Какой-такой свой? Тут такие свои ходят-бродят! По своим же и стреляют, – смачно пошутил тот, что был в каске. – Петро! Надо его на тот берег – лодкой или баркасом. С ранеными. Пусть заградотряд с ним разбирается.

– Ага! – кивнула «бескозырка». – Тут и ракетница фрицевская. Из неё, видать, сигналы давал. Что б «ишаки» по переправе работали.

– Да вы чё, в натуре!?! – взбеленился уркаган в душе. – Охренели на своём солёном ветру? Это их ракетница! Я их замочил...

– Ну да! Сказки не надо рассказывать, парень! Замочил... Небось наших же бедолаг в их форму и обрядили. Что б правдоподобнее вралось. Что б мы тебя в обе щёчки расцеловали и как своего приняли. Шпион чёртов...

Его рывком подняли на карачки. Заставили таким образом передвигаться к берегу. Но, пройдя развалины, позволили встать на ноги. С обрыва было видно, как в свете осветительных ракет десятки лодок и плотов сгрудились у песчаной отмели. Она буквально кипела от сотен людей в защитном и чёрном обмундировании. Холодно блестели штыки трёхлинеек и СВТ. На плечах несли станки пулемётов «Максим», длинные ПТР на сошках, плиты и стволы ротных миномётов. Над смутно белеющими скелетами домов высилась в трёх километрах «шапка» Мамаева кургана. Источая огненные клубы из стальных резервуаров, в небо поднимался оранжево-чёрный хвост. Расширялся и закипал на степном ветру. Небо над Сталинградом всё было накрыто его мохнатым куполом. Дымное пламя скрывало от глаз людских звёзды, лунный свет и солнечные лучи. Они будто существовали отрезанными от Божественного Мира. От БОЖЕСТВЕННОГО ПРОВИДЕНИЯ. Казалось, всё живое и всё человеческое умерло в этом рукотворном аду. Но это было не так.

Внезапно от дольных развалин взлетели две белые вспышки. Сигнальные ракеты! В районе Сталинградского вокзала тут же заработали шестиствольные или десятиствольные Nobelverfel, что были прозваны «ишаками». «Ложись! Полундра!» – раздался зычный окрик. Песчаную набережную покрыл собой человеческий свист. Над изуродованными карнизами с сорванными крышами уже неслись зловещие «светляки». Реактивные снаряды, вырабатывая струи пламени из сопел, обрушились на переправу. Вода у берега вспучилась в темноте монолитными, пенно-жёлтыми столбами. Мелькнули обломки досок. Вспучился песок на берегу. «А-а-а!» – протяжно завыл кто-то неподалёку. Матрос-Петро, широколицый (в свете вспышек) парень, бросив перед собой самозарядную винтовку, пал ниц. Схватил себя за живот обоими руками. Стал корчиться в пыли. Цвигун, ни много ни мало, живо упал на задницу. Протасил через ноги руки – они оказались впереди корпуса. Затем, быстро разрезал морской узел. Не порезавшись о ножевой штык СВТ, забросил оружие на спину.

Не помня себя, Васька дотащил тяжёлого матроса до берега. Там среди свежих, курящихся дымом воронок, валялись трупы, оторванные конечности, стонали и кричали раненые. Матерились, отдавая команды, ещё живые. Какой-то высокий флотский, в чёрном бушлате с кортиком жестикулировал – на берег с плота выкатывали две «сорокапятки». Под его чутким руководством это, видать, проходило быстрее. К нему и обратился Цвигун с изящной простотой:

– Эй! Товарищ командир! Где тут у вас шпионов расстреливают?

– Чего-о-о?

– Говорю вам – шпиона расстрелять надобно! Вот он!

– Да где?

– Да я!

Командир, лупая глазами, секунду спокойно смотрел на него. Затем, сообразив что к чему, разразился витиеватой морской бранью. Из её контекста следовало, что «мало вас, пауков сухопутных, моряки хрендили – как склянки в ушах пробьют...».

– Это тоже шпион? – отругавшись, спросил флотский. Он явно намекал на Петро, у которого вся гимнастёрка снизу, где был левый бок, натекла кровью. – Как и ты, хрендель пехотный?

– Ага! Раненый ваш. Примите и распишитесь...

– А ну встать смирно, хрен сухопутный! Фамилия? Поступаешь в моё распоряжение...

Матросы, заняв ближайшие развалины, тут же вступили в огневое соприкосновение с гессенской пехотной дивизией. Светало. Краски золотистого сентябрьского утра обрушились на этот задымлённый, по военному мрачный мир. Огоньки от взрывов и выстрелов перестали выхватывать себя из тьмы. Над обломками домов со следами былой мирной жизни (уцелевшими фрагментами стен с обоями, торшерами, столами и коврами), сохранившимися чудом фанерными и жестяными ларьками на перекрёстках продолжал мрачным саваном виться покров дымного пламени. Изливая с небес осадки чёрного отработанного горения. От них першило во рту. Чесалось в глазах. Они забивали уши. Люди походили на трёх обезьян из буддийской символики: обезьяна, которая не видит м а й ю, так как закрыла лапами глаза; обезьяна, которая не изрекает имя м а й и, так как закрыла лапами рот; обезьяна, которая не слышит имя м а й и, так как закрыла лапами уши.

Ефрейтор Цвигун, вооружённый СВТ-41 (Петро умер, не приходя в сознание), участвовал в перестрелке боевого охранения. Они сразу же вытеснили вражескую группу из пятиэтажной «сталинки». Взяли пленного – пожилого немца с чёрной окантовкой на погонах и воротнике с вычурными петлицами. Тот бормотал что-то невнятное, показывал коричневый кожаный бумажник с фотографиями своих детей. Но убивать его не собирались. Объявился

некто в ватнике и каске. Некто представился корреспондентом «Красной Звезды» Константином Симоновым. Дескать, хочу писать репортаж на тему прошедшего боя. Вы уж помогите...

– Это можно, – сказал Цвигун сочувственно, переглянувшись для верности с чумазыми, как он, матросами. – Так вот! Товарищ военный корреспондент! Для верности: шли бы вы отсель – на свою большую качель...

– А если серьёзно? – нахмурился Симонов. Он явно не собирался поддаваться. – Я, между прочим, не лапшу на уши читателю вешать собираюсь. У меня цикл статей о битве за Москву. Участвовал во взятии Великошумска. Под Клином меня даже контузило. Да-да! И нечего на меня пялиться, – слегка повысил он свой мягкий, театральный голос, видя, что матросы и пехотинец намерены придуриваться дальше. – Писал о боях за Великие Луки. Меня, знаете ли, сам Константин Константинович Рокоссовский...

– Чего? Ценит? – не выдержал белозубый парень-губашлёп с «оканьем».

– Бери выше: он за евойной супругой с веничком прохаживается! Следочки её от пылуки метёт! – завёлся старшина-каконир 1-й статьи Зазоруля.

– Брателло! Не гони волну, – нахмурился Цвигун так, что у матроса клацнула челюсть. – Что ж, ребята! Если товарищ корреспондент предъявил нам о себе, надо его уважить. Рассказываю! Сижу я, давеча, в засаде. Вижу: прёт на меня танков этак шестьдесят. А то и все сто. Верно говорю?

– Не-а! – раздался голос. Говорил матрос-первогодок Шрафутдинов. – Двести было. Сам считал.

– Точно! Как это я так опростался, братцы. Так вот...

– Так вот, – захлопнул записную книжку Симонову. – Во-первых, моё воинское звание – товарищ майор. Во-вторых, никто и никому не давал права касаться личной жизни. Это ясно? Кому не ясно – шаг вперёд! – все настолько присмирели, что никто не шелохнулся. Было слышно уханье в центре и на элеваторе. – Третье! Поскольку все тут шутниками оказались, теперь шутить буду я. Вернее шутить будем вместе. Я остаюсь с вами. Буду жить и сражаться бок о бок. И опишу всё, что здесь происходит. Ясно?

Ответом было ещё больше затянувшееся молчание.

– Тады это надо отметить! – Рука Зазорули потянулась за ватник. Он вынул трофейную круглую фляжку. Отвинтил крышечку-стаканчик. – Пойло дерьмо, я извиняюсь! Навроде лимонада-ситро с пивом. Коньяк называется. Но на безрыбье и рак сгодиться! Давайте, товарищ майор! – он протянул своё богатство Симонову.

– Это другой разговор! Ваше здоровье, черти вы полосатые...

Но допить им, как следует, не дали. Немцы начали обстрел прибрежной полосы. Над переправой повисли «штукасы» в количестве тридцати. Принялись утюжить берег. От разрывов на развалины поползли жёлто-коричневые клубы. Все чихали и матерились. А на дальнем конце улицы произошло первое движение. Наблюдатель заметил самоходку «Мардер» с 75-

мм длинноствольной пушкой. За ней ползли гробовидные бронетранспортёры с 37-мм пушками и, видимо, 81-мм миномётами. На всей вражьей технике – белая эмблема «скрещённые клинки». «...Ага! Как на саксонском фарфоре! – перекричал шум разрывов Симонов. Его антрацито-чёрные, красивые глаза засверкали в азарте. – Скорее всего, саксонская дивизия! Вот так ферт!» «Да уж! – уважительно поддержал его Васька. – Где чалились, товарищ майор?» «В смысле?» «В смысле лагеря?» – продолжил было шутить Цвигун.

Но артподготовка (длилась два часа) к тому времени закончилась. Батальон морской пехоты ждали две неожиданности. Наверху, где был балкон, молчал наблюдатель. Как оказалось, он словил пулю или осколок в висок. А внизу, прямо перед ними, урчали моторами два германских панцера. Один, украшенный на лобовике траками, плевался огнём из пулемёта и длинной пушки с массивным дульным тормозом. От развалин, где засели матросы и товарищ корреспондент с умным Васькой, летели осколки кирпича. Позади ухала самоходка. Танк поменьше, с короткоствольной пушкой пополз было в обход. Там, где начинался пустырь с воспоминанием от детской площадки и футбольного поля. Как только его синевато-серый борт, меченный крестом и клинками, повернулся к матросам, в него попали снаряды от двух сорокапятков. Панцер завертелся на оборванной гусенице. Из бокового люка в плоской башне показалась голова в чёрном шлеме. Фриц пытался выползти, но упал, срезанный пулей, на броню. Вскоре его тело соскользнуло вниз под вращающуюся, уцелевшую гусеницу. Шрафутдинова, при виде кровавого месива, стало безудержно рвать. А Симонов только смотрел на происходящее расширяющимися глазами. Его мужественно-красивое, семитское лицо с аккуратными, точно подведёнными усиками заметно побледнело.

...Зеленовато-синие фигурки панцергренадир (так с 42-го года стала называться вся германская пехота) показались на обломках. «О! Гости пожаловали. Щас мы их умоем!» – торжественно прошептал Зазоруля. Так как на берегу во время обстрела был убит мичман, что командовал взводом, старшина временно взял на себя эту должность. – Когда подойдут – в упор!» «А нас тоже – под жопу? Или как?» – возмутился Васька, показав на изготовившиеся к продолжению панцер и самоходку. – Пусть уж товарищ майор нами покомандует. А то тебе волю дай – ты фрица на корабль пригласишь, что б не промахнуться!» Матросы удивлённо заржали. Зазоруля, двухметровый гигант с пудовыми кулаками (был чемпион флотилии по вольной борьбе и имел разряд по боксу) вскинулся было ответить. Но неожиданно для себя примолк. Слеза выкатилась на его могучую скулу. А Симонов, ободрившись, уже командовал: «Первое отделение – это те, что рядом со мной! По офицерам и пулемётчикам по моей команде... Второе отделение – оставшиеся! Отсесть от бронетехники остальную пехоту. Не давать поднять головы. Слушай мою команду...» Он был на Хал-Хинголе. Кроме этого, пришлось повоевать маленько в 41-м. В Белоруссии, когда оказался под Минском и командовал взводом в окружении. Помимо всего прочего, как подчинённый главпуру РККА, Симонов и его коллеги регулярно проходили военные сборы в кадровых частях. За этим следил сам Лев Давидович Мехлис. Тем, кто линял – спуску не давал.

Через час, когда впереди не осталось никого кроме десятков трупов, атака прекратилась. Панцеру с длинной пушкой пришлось скрыться за ближайшими развалинами. Бронебойщик своей бронебойно-зажигательной пулей повредил поворотный механизм башни. Самоходка повела было огонь, прикрывая отступление своей пехоты. Но её накрыло с левого берега. Сотня снарядов тяжёлой артиллерии взметнули тонны земли, кирпича и арматуры с человеческими телами. Десяток снарядов упали недалеко от развалин, где засел матросский гарнизон.

«...Твою налево! – заругался Зазоруля. – Комендоры хреновы! Попаду на тот берег – так накостыляю! Кто бы им точные координаты сообщил. Не то похоронят. В братской могиле с товарищем корреспондентом... извиняюсь, товарищ майор!» Но Симонова это мало беспокоило. Отряхнувшись от известковой и кирпичной пыли он, как марсианин (с красно-белой пылью!) что-то строчил химическим карандашиком в пухлом блокноте в кожаной обложке. Перед ним на расстеленном платке лежала точилка «Октябрь», а также с десятков таких же карандашей. Три из них были также остро заточены.

– Здравствуйте, мальчики! – раздался позади шорох. В проёме подвальной лестницы, держась за железные перила, скользнула девичья фигурка в шинели. Полы были подвёрнуты за ремень. На коротко остриженной «под мальчика» головке чудно смотрелась жёлто-зелёная летняя пилотка. – Санитар-инструктор Пономарёва! Будем проводить санитаросмотр по форме «номер два»...

– ...на предмет бронтозавров и прочих живностей в лохматой щетине, – закончил Васька. – Я ничего не упустил?

– С вас первого и начнём, – закусив губу, едва сдержала смех «сестричка». – Покажите голову. Так! Ясно, что ползают. Теперь закатайте гимнастёрочку. Выше...

– Если б ниже...

– А вы остряк, я погляжу! Ещё выше. До подмышек! Не бойтесь – я не щекочу. Так! Снова ползают. Буду обращаться к вашему комбату. Иначе, вшивость...

Все съёжились. Для моряков проблема вшей никогда так остро не стояла. Симонов ехидно улыбнувшись, что-то снова черкнул в блокнотике.

– Отстреливать нас будут? Аллах-акбар! – испугался Шарафутдинов.

– Не угадали! – девушка что-то принялась писать в своём блокнотике. – Надо устраивать хотя бы раз в неделю прожарку всего белья. Иначе вас вши и блохи просто съедят.

– Ага! Как же! – пробасил с сомнением Зазоруля. Покрутил сивый, отросший пушисто ус. – А фрицы уголька подбросят! И пару бомбочек, что б ясней горело.

– Надо продумать этот вопрос, – не унималась упрямая особа в пилотке.

– Можно продумать вместе? – обратился к ней Васька.

– Какой вы... – улыбнулась девушка с карими глазами. У неё в петлицах были заметны треугольнички ефрейтора. – Посмотрим на ваше поведение, боец. А пока... – её взгляд скользнул по оробевшим морпехам. – Чтобы всех не мучить, снимите с себя хотя бы вы, товарищ... – она кивнула Зазорули.

Когда Пономарева собралась покинуть тёплую компанию, с ней увязался Васька. Он выпросил у товарища командира сопровождать санинструктора. Ибо, так сказать, снайперы и прочая недобитая сволочь... Симонов, трясаясь от внутреннего хохота, отдал такой приказ. За что девушка наградила его взглядом, полным укоризны.

– ...Девушка, а девушка, – тянул из себя Цвигун. – Как вас зовут?

– Санитаринструктор Пономарёва, – изрекла недовольно девушка. – Ефрейтор медицинской службы. Ещё вопросы? – запыхалась она. Уронила голову на разбитую цементную тумбу.

Они ползли вдоль развалин детского сада. К батарее из двух пушек 45-мм. Именно они подбили Pz III Ausf L. Именно они прикрывали дом, где засел батальон морской пехоты. Тот самый взвод, что принял Цвигуна, корреспондента Симонова, а также эту суровую, но красивую девушку.

С некоторых пор Васька из ефрейторов снова переключался в рядовые. А именно: после кровавой схватки под Жмыховкой. Им удалось обратить в бегство роту венской 44-й дивизии. Тем более, что KB-1, а также две «матильды» подоспели. Они повели, на этот раз грамотно, беглый огонь по бронетранспортёрам с 50-мм пушками. Вскоре прилетела четвёрка скоростных бомбардировщиков (СБ-2). Они принялись бомбить вражеские боевые порядки. На высоту въехали полуторки с сорокапятками, что оказалось не две, а четыре. Их сумел остановить комбат. Сутки они держали оборону от подошедших панцеров и штурмгешутц дивизии Кемпфа. Подбили десять бронированных машин. Уложили в землю до роты вражьей пехоты. Тогда немцы, вызвав сначала «хеншели», а затем «штукас», принялись мешать с землёй их позиции. После чего, оставшиеся в живых попали в плен.

Колонну влили в общий поток, что шёл под конвоем станичных предателей на запад. Вдоль дороги пылила вражья техника и пехота, что топала всё больше ножками. Позади иной раз хлопали выстрелы. Это станичные пристреливали тех, кто ослаб и не мог двигаться. Цвигун не ослаб. Он подбадривал остальных. В станицах, где были кратковременные остановки, заигрывал с казачками. Те, сердобольно прослезившись, выносили пленным сало, хлеб и молоко. Благо, что единственный немец в охране колонны, с бляхой на стальной цепочке, не был против. Он лишь похлопывал казачек по талии. И снимал со всех продуктов свою пробу. «... Сразу видать, что ментяра ихний,» – смекнул Цвигун. Так и сказал своим, с коими был уговор: держаться вместе. Друг друга не терять. Вскоре к ним подогнали другую партию. Пленных заставили выстроиться. Стали пересчитывать. Выявлять евреев, командиров и комиссаров. Их увели. Оставшихся угнали в степь. Там с вечера был бой. Итальянская 8-я дивизия наступала на Клётскую. Среди траншей и окопных ячеек валялось множество трупов. Итальянцы-трофейщики собрали в кузова своих «фиатов» и SPA советское оружие. Похоронщики закапывали своих убитых в отдельные могилы. Над каждой из них устанавливался аккуратный изготовленный крест с каской или пилоткой, где красовались белые звёзды. Над ней человек в черной с красным султানে, с белой пелериной, с серебряным крестом читал на латинском молитвы.

Они же хоронили с в о и х. Брали их за окаменевшие от смерти ноги и руки. Раскачивали. Швыряли в общую яму. А станичники лужгали подсолнухи. Поле этих жёлто-чёрных «солнышек» было совсем недалеко. Но до него надо было добежать. Их – человек пятьдесят, а охрана – человек десять. Но у всех винтовки. Не известно кому уготовлено получить пулю. А страх – великий сдерживающий механизм.

А итальянцы в чудных коротких мундирчиках, в ботинках с гетрами и красных галстуках (это была дивизия «Винченца», что охраняла тыл) выстроились вокруг сотни своих могил. По знаку офицера – сделали залп. Затем, когда раздалась команда вольно, принялись готовить на кострах то ли макароны, то ли лапшу. Но до того длинную! Глядя на голодные глаза русских

пленных, один из них, издав шумное «Oh, Madre di Dio, sono persone come noi... non c'è né sogna né coda!...», немедленно преподнёс им котелок. А станичнику, попытавшемуся выбить его из рук Цвигуна, профессиональным боксёрским ударом заехал в челюсть. Началась перебранка. Немец-«ментяра» (у него на плече уже висел ППШ) принялся что-то лаять, доказывая итальянцу, что так нельзя. Тот, наступая на союзника грудью, тараторил быстро на языке Цезаря и Калигулы. Товарищи солдата загородили от охраны пленных. Стали подмигивать. Указывать на подсолнухи. Так произошёл побег.

– ...Девушка, а девушка! Ой, извините великодушно, товарищ санинструктор! – не унимался Цвигун. Он с неудовольствием заметил, что в поршневой затвор СВТ забились земля. Вынув его из затворной рамы, принялся протирать ветошью и то, и другое. – Можно умный вопрос задам?

– Можно, – кивнула Люда отдышавшись. Она смерила говорливого парня насмешливым взглядом. – Если только вопрос будет умный.

– Я попробую. Вы замужем?

– Как вы думаете?

– Думаю, что нет.

– Кха... Да вы проницательный боец.

– Бог голову не обидел, – согласился Васька. Дочистив самозарядку, он осмелел настолько, что сделал ей замечание: – Просьба: сильно не кашлять и вообще не шуметь. Тут снайпера балуются. Слышали про таких?

– Слышала, – вздохнула Люда. – Не только слышала, но и видела. Не самих, конечно... У меня подругу один такой убил. Прямо в лоб.

– Сочувствую, – вздохнул в свою очередь бывший уркаган. – Здесь, на Волге?

– Нет, у Сапун горы, – последовал ответ.

* * *

В начале октября 1942 года Паулюсу позвонил по ВЧ адъютант для особых поручений фюрера обергруппенфюрер SS Фогеляйн. Женатый на сестре Евы Браун, этот господин одно время был наместником Чехии и Моравии. Обращался к чехословацким рабочим с благодарственными речами и призывами ремонтировать повреждённую в боях технику вермахта, что те и делали на заводах «Шкода». (Кроме всего прочего, создавали танки, тягочи и грузовики, а также 105-мм гаубицы, что стреляли по советским солдатам. Впоследствии эти пролетарии будут оправдываться тем, что в знак скорби ходили на работу в чёрных рубашках.) Он весьма любезно пригласил генерал-полковника на встречу с Гитлером. Это было неожиданно для Паулюса. Хотя он ни раз обращался к фюреру с просьбой о визите в полевую ставку. В ОКВ зрело недовольство. Удары, наносимые войсками на южном направлении, сплошь и рядом носили хаотический, бессмысленный порядок. 4-я танковая армия генерала-полковника барона фон Вейхса достигла предгорья Кавказского хребта. Её передовые части вели оже-

сточённые бои на подступах к Туапсе. Конно-механизированная дивизия «Эдельвейс» выдвинула свои разведывательные отряды к Нальчику. Горные егеря, набравшись мальчишеского азарта (многие из них побывали на Кавказе ещё до войны, по обмену) водрузили на горной вершине Эльбрус нацистский штандарт. Гитлер пришёл в бешенство и готов был расстрелять зарвавшихся солдат. Он (по свидетельству министра вооружений Шпеера) бушевал целый час. Солдат, к слову говоря, так и не расстреляли. Но осадок остался неприятный: ни 4-й танковой армии, ни дивизии «Эдельвейс» явно не хватало для покорения большевистского Кавказа. Правда, вступившие в Майкоп танки и бронетранспортёры Вейхса были встречены белым конём, ведомым под уздцы горделивыми бородачами. Черкесы местами поднимали зелёные знамёна с полумесяцем, нападали с тыла на советские части, жгли склады. Нездорово вели себя калмыки: тоже организовывали отряды «местной самообороны», что постреливали в спины красноармейцев. Но всех переплюнули потомки имама Шамиля. На территории Ичкерии была создана «бандгруппа» из... 6000 человек. Это незаконное формирование возглавили сотрудники НКВД и члены ВКП (б), которые установили связь с германским командованием. Для уничтожения этой банды командованию южной группы войск пришлось привлечь армейскую и фронтовую авиацию.

Сутки и... дымные, ужасные развалины «сталинградской крепости» остались для Паулюса позади. Как самый страшный, нереальный сон. Транспортный «Ю-85», переделанный под пассажирский, долетел до Винницы. Прямо с аэродрома эскорт мотоциклистов SS домчал его в машине фюрера «Даймлер-Бенц» до полевой ставки, что расположилась в дремучем лесу. Огороженная тремя рядами проволоочной ограды с током высокого напряжения, минными полями, многочисленными постами и ДОТами, расположенная в надземных коттеджах и железобетонных, невидимых глазу бункерах, эта резиденция Гитлера носила название «Вольфшанце» («Волчье логово»).

Фогеляйн встретил его на выходе из машины, в «зоне 3». Только что взвыла коротко сирена. Но ничего страшного: оказалась, что заяц или лиса мелькнули в кустах возле колючей проволоки. Туда немедленно устремилась на бронетранспортёрах и мотоциклах «тревожная группа» из полка «Лейбштандарт» SS. Одетые в пятнистый камуфляж, они напоминали лесных дьяволов.

– Хайль! – рука обергруппенфюрера черкнула воздух снизу вверх. Губы под аккуратными усиками двинулись в усмешке. – Рад вас видеть, генерал-полковник.

– Благодарю вас, – кивнул Паулюс высокой фуражкой. Его рука крепко сжимала портфель с оперативными документами. – Каков мой распорядок дня, обергруппенфюрер?

Он ступил из открытого салона автомашины на бетонную площадку. На ней под маскировочными сетями стояло до десятка грузовиков, легковушек и вездеходов. Высокие кроны деревьев уходили ввысь. Звонко пропел одинокий комар. Места были болотистые. Ночами гнусавое пение кровососов становилось особенно нудным. Они пробивались сквозь накомарники и беспощадно жалили двухметровых блондинов из личной охраны, штабных офицеров, секретарш, стенографисток и прочих персонал. Но фюреру они были ни по чёму. Он терпеливо, даже с завидным мужеством сносил комариные укусы. Паулюс, узнав это, про себя только хмыкнул. На мгновение ему пришло в голову: это может быть причиной всех трудностей. Упорство или даже (будем называть вещи своими именами!) упрямство фюрера. Сам он готов страдать до посинения, но...

– О, не стоит так официально! – расхохотался Фогеляйн. Он поправил козырёк своей фуражки с серебряной эмблемой черепа и кости. – Вас можно поздравить с победой? Русские варвары окончательно разбиты на берегах этой реки... кажется, Волга?

– До полной победы ещё далеко, – сухо заметил Паулюс. Он посмотрел, как отогнали машину. Окинул себя взором: идеально сшитый по талии мундир, украшенный Железным крестом с дубовыми листьями («ботвой»), красно-белой ленточкой Железного креста 2-го класса, Золотой Рыцарский крест. – «Шталинград» становится всё более похожим на Верден. Вы понимаете, о чём я?

– Признаться, нет, – смутился Фогеляйн. – Верден...

– Это город-крепость, который в 1916 году был осаждён рейхсвером, – усмехнулся Паулюс. – К сожалению, он так и не был взят, – заметив на лице обергруппенфюрера и окружающих эсэсманнов недоумение, поспешил добавить: – Но «Шталинград» взят – в этом я могу вас заверить, господа! Осталось только подавить отдельные очаги сопротивления в развалинах.

– Я не знаток военного искусства, – Фогеляйн развёл руками, – но мне становится всё ясно. С такими генералами как вы, дорогой Паулюс, победа у нас в кармане. Простите за фамильярность, но это так.

А с такими адъютантами, как вы, нам никогда её не видать, с внутренним негодованием отметил генерал-полковник. Он стремительно вошёл в коттедж №8 под гофрированной крышей. Внутри царила спартанская обстановка. Деревянные панели на стенах. Стул, стол из сосны. Кровать, застеленная серым шерстяным одеялом. Письменный стол у окна, с печатной машинкой в чехле, с письменным прибором в металлических подстаканниках и двумя телефонами. Окно покрывала собой синяя штора, что автоматически поднималась и опускалась длинным свисающим шнуром. В углу – гипсовый вазон с искусственной геранью. На стене – картина в деревянной рамочке: акварель в бледно-розовых и голубоватых тонах. Замёрзшее озеро с катающимися на коньках детьми. Снежная баба на фоне дома с островерхой черепичной крышей. Картина называлась «католическое рождество», хотя намёка на церковь в ней не наблюдалось.

Паулюс не успел пожалеть, что рядом нет Адама, как раздался телефонный звонок. На этот раз его обеспокоил шеф-адъютант фюрера полковник Шмундт. «...Генерал-полковник! Вам надлежит через пять минут быть в бункере фюрера, – заявил он глухим басом. – Фюрер ждёт вас. Прошу вас поторопиться». Покойный Рейхенау, что за словом не лез в карман, давно бы оборвал нахала, что служил только в штабах. Но Паулюс не любил конфликт. Он старался ладить со всеми в ставке фюрера. За это его ценил, прежде всего, Адольф Гитлер.

Гитлер встретил его в обстановке, которая полностью копировала зал оперативных заседаний в Цоссене. Тот же длинный стол чёрного дерева. Те же стулья белой кожи, с орлом кайзеровской империи. Металлические плафоны для светильников, вмонтированные в голые цементные стены, были отлиты в виде факелов. Казалось, это руки протянулись из бетона, что удерживали их. Сам фюрер в излюбленной им манере поспешил к дорогому гостю. С виновато-гостеприимной улыбкой он долго тряс ему руку. Одетый, как и прежде в двубортный серый китель без знаков различия (не цеплять же нашивки ефрейтора!) с Железным крестом 3-го класса слева, а также знаком за лёгкое ранение, он излучал прежнюю уверенность. Его бледно-голубые глаза искрились от мыслей, что в последнее время стали пугать

всё больше людей из его окружения. А именно: после бомбардировки японцами Пирл-Харбор взять да объявить войну США. Это было верхом безумия. Американские нацисты из кожи вон лезли, чтобы сдержать через послушных им конгрессменов стремление «левого» президента Рузвельта открыть второй фронт. Конгрессмен Трумэн в свойственной им манере заявил, что в интересах США пусть русские и немцы убивают друг-друга как можно больше. Помогать нужно тем, кто окажется на грани. Может быть, фюрер намеренно стремится приблизить рейх к этой г р а н и? Так неожиданно для себя, подумал Паулюс. Ведь недаром экспресс фюрера назывался «Америка», а белоснежный дизель-поезд Геринга – «Азия».

– Как здоровье вашей милой супруги? – поинтересовался фюрер. Его любезная улыбка, казалось, раздвинула щётку под носом.

– Благодарю вас, мой фюрер, – через силу улыбнулся Паулюс. – Жёнам солдат ничего не остается, как ждать. Ждать, когда их мужья закончат эту войну.

– О, да! – Гитлер взял его под локоть. Лёгким движением освободил руку от портфеля, что оказался на столе. – Война это двигатель прогресса, милый Паулюс. Без войн человечество хиреет. Даже самые великие нации становятся беззубыми. Они теряют способность воспроизводиться. Да, да! – он тряхнул чёлкой, что лезла ему на глаза. – Производить на свет великое потомство! В этом задача европейской расы. Когда женщины и их мужья научатся зачинать детей, согласно астрологическим начертаниям, данным нашими великими предками – расой Атлантов и Лемуров, мы будем спасены от вырождения! Я вам скажу: миллионы лет назад на Земле не было жизни. Она была, но в виде гигантских яиц, что прибыли к нам из других миров. Они стали размножаться путём к а п л е в и д н о с т и. С их поверхности скатывались, как капли, другие живые сущности. Так произошло сотворение по о б р а з у и п о д о б и ю. Вы меня понимаете, Паулюс?

Внезапно, переменившись в лице, Гитлер строго взглянул ему в глаза.

– Да, мой фюрер, – вынужден был сказать Паулюс. Он, как и многие другие из близкого окружения «вождя нации», мало что понимал из его излияний. – Себе подобное порождает себе подобное.

– Да! Точно так! – воскликнул фюрер. Он хлопнул себя по левой коленке. – Вы верно уловили мою мысль, дорогой друг. С вами приятно иметь дело.

Довольный своей мыслью, фюрер угостил Паулюса чаем, настоящим на редких тибетских травах. Он более получаса рассуждал о преимуществах религии бон-по перед традиционным буддизмом. По его мнению, секта, что исповедовала более жёсткий режим подготовки адептов (их били и унижали, а они обязаны были за это благодарить) более действенна. Методы её применимы для современного общества, так как спасают его от духовного растрепывания и физического вымирания. К тому же, хламида, в которые облачались последователи бон-по – ярко-красные. Цвет физической силы и совокупления. Без этих двух начал, по мнению «великого сына германской нации» невозможно существование арийской расы. Ко всему прочему, древний знак солнцестояния (она же свастика) в исполнении бон-по развёрнута крыльями в обратную сторону. Это значит – остановить время и изменить его ход. Что и делает идея национал-социализма...

– Этот Сталин, мой враг, также был уверен, что ему удастся эта задача, – округлив глаза, рассуждал фюрер в слух. – Он несомненно умный человек. Теперь я ясно вижу это. Ему не повезло в одном: он находится в окружении вырожденцев. Он попытался избавиться от них. Но ему не удалось! Окружение Сталина, этот Молотов и Каганович, что на содержании еврейской плутократии, сумели настроить его против меня. Я убеждал Сталина уничтожить эту публику. Он лишь смеялся в ответ. Я знаю, что Молотова и Риббентропа связывают давние приятельские отношения. Нет смысла повторять, что оба – записные англomаны. Я тоже был сторонником союза с Британией, пока это отвечало интересам нации. Но... – он помедлил, заметно волнуясь. – Интересы нации выше, чем политические соображения. Пакт оси, что был заключён в Мюнхене, к сожалению, не оправдал моих надежд. Чемберлен был вынужден сдать свои позиции этому жирному подонку Черчиллю. Ставку пришлось делать на Сталина.

Поэтому, мой фюрер, вы согласились на предложение рейхсмаршала бомбить Британию, подумал Паулюс. Вероятнее всего, оно исходило от самого «Азиата». Сталин через своих агентов в штабе люфтваффе так обработал «Борова», что тот не устоял. В результате рейх разорвал и без того тонкую связь с Британией. Но Америка...

– Мой фюрер! – решительно начал он, скосив взгляд на портфель. – Позволю себе заметить, что мы нерационально расходуем свои силы на юге России. Прежде всего бои за «Шталинград» пожирают и без того скудные резервы. Мне требуются дополнительные силы. Но 4-я танковая армия увязла в боях за Кавказ. А переброска сил с других участков фронта грозит ослабить оборону группы армий «Центр» на таких стратегических направлениях, как Москва и Санкт-Петербург. К тому же румынские и итальянские альпийские части, задействованные на Волге, следовало бы перебросить на Кавказ. Вместо этого они несут неоправданно-высокие потери в качестве обычных полевых соединений...

– Довольно! – фюрер махнул рукой. – Вы словно сговорились! Мои генералы постоянно просят у меня резервов. Я поставил под ружьё в начале восточной компании пять миллионов человек. Этого оказалось недостаточным, чтобы одержать победу. Теперь, когда русский зверь истекает кровью на берегах Волги, вам снова чего-то не хватает? Я снял призывные ограничения – в вермахт мобилизованы семнадцатилетние юнцы! Вам опять мало крови?! Нет! – он заходил вдоль стола для заседаний. Постепенно накаляясь, Гитлер то сжимал, то разжимал кулаки. Глаза его горели неистовым пламенем. Губы двигались под щёткой усов, которая готова была прыгнуть на лоб. – Это вымогательство, Паулюс! Вы не находите, что все генералы рейха ополчились против своего фюрера? Они готовы свалить на него вину за свои неудачи на фронтах. Я знаю... – его голос задрожал как натянутая струна. Складки серой, нездоровой кожи легли на воротник крахмаленой сорочки, быстро темнеющий от пота. – Я знаю: меня хотели использовать эти поганые прусские вояки! Этот Рунштедт, фон Бок, фон Лейб и Браухич! И этот Гальдер, которого я с позором выгнал с поста главнокомандующего! Я был нужен им для устранения позорных статей версальского договора! Они хотели использовать меня со своими британскими друзьями, чтобы поколебать позиции Франции! В 35-м меня хотели убить! Три раза взрывали пивные залы в Мюнхене, где я готовился выступать! Теперь, когда провидение помогло мне выжить, эти ублюдки стремятся бросить тень на моё славное имя! Я виноват за провал зимней компании в России! Я виноват за медленные темпы наступления на юге! Что вы думаете об этом, мой друг?

Он стремительно подошёл к нему. Взял его за шитый золотом погон на розовой подкладке панцерваффе. Затем потрепал за крест с «ботвой», что замер на груди.

– Мой фюрер, вы всегда стремились окружать себя молодыми генералами, – тактично ответил Паулюс, глядя в его расширяющиеся зрачки. – Генералы старой прусской школы рейхсвера незаменимы, но их взгляды во многом соответствуют Великой войне. Мне помнится, что в 35-ом, – он решил в меру польстить Гитлеру, – многие из них отрицали полную моторизацию вермахта. Хаммерштайн, как и фон Фриче, был против внедрения новых образцов стрелкового оружия. Ему не по душе была автоматическая винтовка, которую русские к тому времени приняли на вооружение. К тому же старые военачальники были против демилитаризации рейнской зоны. Даже аншлюс Австрии...

– Отлично, мой друг! – фюрер снова вернулся в благодушное настроение. Он потрепал Паулюса за витой погон. – От вас больше толка, чем от всех этих болванов. Разумеется, это – без обратной передачи! Не стоит злить львов, заглядывая к ним в клетку, – он усмехнулся. – Впрочем, какие они львы! Свора жалких шакалов, готовых продать меня и рейх. Хотя и это им не удастся. Ни Сталин, ни Черчилль, ни даже этот паралитик Рузвельт ни сядут с ними за стол переговоров. Это исключено! Я крепко держу руку на пульсе событий!

Он подошёл к бетонной стене. На ней висел одинокая фотография в деревянной рамочке. С неё на мир смотрело симпатичное женское лицо. Большие глаза, чуть вздёрнутый носик. Кружевной воротник с оборками. Ни дать, ни взять – вечная невеста. Но не фройлен Ева, подумал Паулюс. Он не видел пассию фюрера. Однако слышал, что она несколько лет работала фотомodelью и обладала самоуверенным, красивым лицом. Взгляд же с фотографии был настолько скромный, что его обладательницу хотелось пожалеть и приласкать.

– Я вижу, что вас пленил этот взор, дорогой Паулюс, – рука фюрера, поросшая волосом, коснулась пальцами фотографии. Он осторожно пригладил её. – Женщина, которую вы видите – моя милая матушка. Её дух витает со мной. Она подсказывает мне верные решения. Только этой святой женщине я обязан своим восхождением! Я знаю, что у вас было тяжёлое детство, мой Паулюс. Вы росли без достатка. Вас пытались не пустить в офицерский корпус эти прусские стервятники. Мне это известно! Хотя я и не стремился к карьере военного, но я испытал немало лишений!

– Моя матушка также помогала мне незримым присутствием, – участливо вымолвил Паулюс. В эту минуту он был на стороне фюрера. В груди у него сладко щемило. – Вы правы: мне долго не удавалось осуществить свою мечту. Перед тем, как попасть в полк принца Евгения Савойского, я был вынужден испытать ощущение маленького человека. Сын тюремного инспектора из провинции – разве у меня были шансы утвердиться на высоких должностях? Если бы не связи моей любимой супруги. Если бы не моя милая матушка, что благословила мой брак...

– Вы тоже были любимым сыном у матери? – взгляд фюрера стал по-настоящему тёплым. Он ослаб в плечах. Стал даже рыхлым, как опара. – Вас тянуло к ней – прижаться к её груди, всплакнуть на ней? Как мы похожи, дорогой друг. За время своих скитаний в Вене, сидения в грязных траншеях Великой войны, я понял – это милое существо, – он снова пригладил фотопортрет матери, – дороже мне всех женщин на свете. Я ухаживал за ней, когда она была больна. У этой святой женщины обнаружился рак. Нестерпимая боль в груди! Целые сутки я просиживал у её кровати. Но Бог оказался неумолим. Он забрал её к себе, чтобы пропустить меня через горнило страшных испытаний. Бог не так милосерд, каким его рисуют в церквях. Я чувствую себя Иисусом Христом! – внезапно продолжил он с яростными глазами. – Я пришёл, чтобы разделить вас! Чтобы положить между вами меч! Меч раздора, меч войны! Только

кровопролитная война способна вылечить человечество от его недуга – власти еврейской плутократии...

– Мой фюрер, осмелюсь вам напомнить, что расовый закон 1935 года уравнивал в правах с подданными рейха тех евреев, что участвовали в Великой войне, – осторожно заметил Паулюс. Он всё более безнадежно взвешивал свои шансы убедить фюрера прекратить распыление сил на юге. – К ним также относятся кавалеры Железного креста. Мне известно, что некоторые учёные рейха, евреи. Герр Розенберг даже разработал...

– Герр Розенберг – взбалмошный, малообразованный прибалт! – усмехнулся Гитлер. Grimаса отвращения внезапно передёрнула ему лицо. – Он сам мало что понимает в своём тугодумном бреде! «Миф XX века» – евреи распоряжаются жизнью! Ха-ха! Откровеннее расписаться в своей глупости не смог бы даже Геринг! Евреи как нация, несомненно, представляют угрозу для европейской цивилизации! Но смею вас заверить, что еврейский капитал вкладывал и будет вкладывать деньги в экономику рейха! Пока здесь, на востоке, мои армии движутся к сердцу России! Если, конечно, господа с Уолл-Стрит и Уайт-холл не хотят получить русские танки! На берегах Темзы и Гудзонского залива! Американские коммунистические штаты! Это было бы заманчиво для дядюшки «Азиата»! Он к этому и стремится, – фюрер начал снова успокаиваться. Его иступлённые глаза лукаво блеснули. – Сталин с тех пор, как мои прусские болваны не смогли его одолеть, вызывает у меня только искреннее, неподдельное восхищение. Это Мефистофель! Он искусил эту жидовскую свору. Они продались ему с потрохами! Заложили свои души и свои капиталы! В обмен на призрачную идею – «Германия будет повержена»! Но это фантасмагория! Фатомаргана!

На массивном столе запел нежным звонком чёрный аппарат внутренней связи.

– Здесь фюрер! – фюрер, поморщившись, сорвал трубку. – Что-о-о? Фогеляйн, вы просто нахал! Как вы осмелились быть посредником между фройлен Евой и... Да, нахал! Молчать! – заорал он, налившись кровью. (Паулюс при этом невольно вздрогнул.) – Молчите и слушайте! Передайте ей, что до вечера я всецело принадлежу интересам нации! Никто не вправе беспокоить меня! Это будет расценено как государственная измена! Вам ясно? Я закончил...

Он раздражённо бросил трубку на рычаг. Там что-то звякнуло. Затем, не замечая Паулюса, сделал два круга вдоль стола. Нажал на кнопку электрического звонка, вмонтированного в панель стола. На его вызов явился статный оберштурбаннфюрер SS Линге, что был начальником личной охраны фюрера. С ним вождь нации был предельно строг. Фройлен Ева никогда не должна беспокоить фюрера в такой обстановке. Пусть скажет в «аппаратной» – категорический приказ фюрера: не соединять фройлен Еву с ним ни в рейхсканцелярии, ни Растенбурге, ни в «Вольфшанце»! Это, чёрт возьми, не выносимо! Когда бабы пытаются взять власть над мужчинами! У этих стариков-генералов все жёны такие. Брюзжание их вторая натура. А, может быть, и первая. Вот отсюда – все беды «тысячелетнего рейха». Хотя до них ещё далеко.

Когда Линге, повернувшись на каблуках вышел, показав Паулюсу короткостриженный затылок (это был рослый шатен с правильными чертами лица), фюрер в невероятном возбуждении сделал ещё одну пробежку по зале. Он массировал себе костяшки кулаков. Затем стал судорожно ковыряться в ногтях. Паулюс было поморщился, но вовремя собрался. Уставившись в одну точку, он терпеливо стал дожидаться конца экзальтации.

– Проклятый сводник! – пробурчал фюрер. – Этот Фогеляйн... Будьте осторожны с ним, мой друг! – он снова приблизился к Паулюсу. Потрепал его по плечу. – Вокруг меня толпятся изменники и шпионы. Вам наверняка известно, что многие люди из аппарата Гиммлера путались с проклятыми социал-демократами и коммунистами. Ещё в 20-х, когда партия крепла и росла для борьбы! Они присосались к движению. С тех пор я пытаюсь освободить от них нацию, – он запнулся и опустил глаза. Его плечи слегка подрагивали. – Только вы, Геббельс и Борман – вот, кому я могу всецело доверять! Мне известно от Канариса, что в 1926 году вы преподавали на командных курсах в Цоссене красным генералам и офицерам. Мне известно, что некоторые из них успешно воевали против нас под Москвой, – он усмехнулся. – Мне также известно, что некоторые из ваших знакомых до сих пор оказывают нам активное содействие. Кто из них вызывает у вас большее доверие, Паулюс?

Паулюс после непродолжительной паузы назвал несколько имён. Затем обратил внимание фюрера на двух генералов, попавших в плен летом 1941 года. Благодаря генерал-лейтенанту Понеделину в плен сдалась почти целая дивизия под Киевом. Она запирала выход в Крым. Ну, а бывший командующий 2-й ударной армии генерал-лейтенант Власов, что сейчас находится на правах почётного военнопленного, вообще кладёзь для имперской политики! Его бы бросить на формирование частей «русской освободительной армии», под трёхцветным знаменем старой России. Два с половиной миллиона русских пленных, что с 41-го года оказались в лагерях, могли быть использованы против Сталина. Да и желающие с оккупированных территорий, где есть недовольные Советами, тоже. Герр Геббельс, как известно, поддерживает эту идею. Он завёлся мыслью, что раз есть евреи «по духу» и «по плоти» (последних можно использовать в науке), то почему бы не разделить славян на подобные группы? Последних можно со временем...

– О, нет! – фюрер замахал перед собой, будто отгонял демона. – И не просите! Унтерменши не могут составить единое целое с подданными рейха! Это невозможно. Для этого я должен буду поступиться с заветами, данными мною старым борцам. Ещё на заре движения я поклялся – использовать евреев и славян так, чтобы это не ущемило права германцев. Нарушить данное обещание, значит похоронить себя как вождя нации. Вы понимаете, мой друг? Конечно, нет! – предупреждая реакцию Паулюса, он сделал круг. – Вы военный стратег, но не политик.

«Интересы нации выше, чем политические соображения». Это было готово вырваться из уст Паулюса. Но он вовремя сдержал себя. Фюрер, верный сын своей милой и покойной матушки, был невероятно противоречив. Кажется, он вознамерился обмануть самого Господа Бога. Во всяком случае, переигрывать Всевышнего ему пока что удавалось. Либо САМ Всевышний позволил ему взять бразды правления в свои немощные руки. Со своим умом и проныцательностью, колоссальной памятью, вмещающей сотню цифр и фактов, Адольф Гитлер и впрямь производил впечатление «посланца небес». Но при ближайшем рассмотрении вырисовывалось явное противоречие: фюрер был зависим от своего окружения. Страной с самого начала завладели группы и семейные кланы, что, используя каналы старых и новых служб, стремились всё больше подчинить уроженца Браунам на Инне. Устранить его силой или заменить на более послушную кандидатуру, мешало одно обстоятельство: кто-то из сильных мира сего, что через Швецию и Швейцарию, а также Латинскую Америку щедро спонсировал войну рейха, желал и м е т ь д е л о лишь с герр Шикльгрубером. Это было понятно: с фюрера были «взятки гладки».

Впрочем, фюрер как будто не замечал очевидного. Он «сладко» ходил по тесному бетонированному пространству бункера. Жадно потирая руки, дождался, когда пришли с докладами начальник сухопутных сил генерал-фельдмаршал Кейтель, министр вооружений и боеприпасов Шпеер, рейхсляйтер Борман. В присутствии Паулюса которому это показалось невыносимым, Кейтель принялся восхвалять план фюрера: перерезать водную артерию Волги, по которой якобы осуществлялись поставки англичан через Иран и Персию. Кроме того, по мнению «Лакейтеля» падение Майкопа и продвижение 4-й танковой армии к нефтепромыслам Баку и Грозного (до последнего надо было продвигаться и продвигаться!) смогло бы окончательно решить проблему поставок горючего. Разорвать магический круг: зависимость германской империи от поставок из нейтральных стран.

– Именно об этом я говорю на протяжении всего лета! – возбуждённо подхватил фюрер. – Но мои старые генералы настолько глупы, что это Сизифов труд!

– Мой фюрер, – мягко обратился к нему Шпеер, галантный мужчина в строгом, отлично сшитом костюме с золотым партийным значком. У него были расширенные, вопросительные глаза и пушистые брови. – Весьма разумно, что вы пытаетесь нацелить вермахт на захват нефтеприисков юга России. Однако для этих целей не хватит сил 6-й полевой и 4-й танковой армии. Они и так рассеяны. К тому же несут огромные потери. А им предстоит вести бои на кавказском хребте, где, по моему разумению, выгоднее всего использовать альпийские, горно-егерские части. Мне известно, что таковые имеются в составе итальянского экспедиционного корпуса, а также в войсках Антонеску. Но они...

– Хватит! – фюрер в мгновение ока подскочил вплотную к красавцу-министру. – Шпеер! Вы берётесь судить о вопросах стратегии. Это не ваша прерогатива. Предоставьте это мне и моим верным генералам, – он кивнул в сторону Кейтеля, у которого едва монокль не выскочил из глаза. – Ваша задача – насытить армию самоходными установками и новыми танками «Тигр». Не забывайте о ней! Что произошло с вашей суперновинкой под Харьковом? Да-да! Летом этого года? Почему вы молчите, а Паулюс отдувается за вас?

– Мой фюрер... – начал было Шпеер, но тут же запнулся. Он вспомнил, что его предшественник, доктор Тодт, нечаянно погиб в авиационной катастрофе...

Под Харьковом, в ходе успешного развития операции «Фридрих», были опробованы первые Pz V в соответствии с проектом WH 41. Но их броня легко поражалась советскими 76-мм полевыми пушками. Дело в том, что удельный вес «Тигра», что был создан на шасси Pz IV, увеличился от возросшей массы. Поверх основной брони, которая не превышала 17—30 мм, были навешаны дополнительные бронелисты. Итого получилось 60—70 мм. Скорость тяжёлого танка уменьшилась. Способный поражать в борт КВ и в лоб Т-34 на дальних дистанциях, «Тигр» представлял отличную мишень для длинноствольных полевых орудий ЗИС-2. Помимо всего прочего, не способный маневрировать, он подвергался опасности быть поражённым в бензобак снарядами 20-мм автоматической пушки ШВАК, что состояла на вооружении советских штурмовиков ИЛ-2, бомбардировщиков СБ-2 и даже модернизированных И-16. Русские под Харьковом подбили три «Тигра».

– Мой фюрер, я обещаю вам в скором времени выпустить доработанную модель, – покраснел Шпеер. – Кроме того, на заводах компании Man, Mercedes и Reinmetal-Borsing идут работы по созданию 62-тонного танка. Он будет называться «Пантера». Самоходную установку

«Элефант», вооружённую 88-мм орудием, не способен будет поразить ни один русский танк. Данный проект финансирует известный предприниматель Фердинанд Порш. И...

– Отлично! – фюрер потрепал Шпеера по плечу, обёрнутому в шевиот. – Фердинанд Порш – тот самый, которому Сталин предлагал занять пост наркома тяжёлой промышленности! Теперь он работает с нами! Мировые финансовые круги – на нашей стороне. Я никогда не сомневался в нашей победе.

Шпеер принялся читать, переворачивая листы вощёной бумаги на пружинистой скрепке (он держал перед собой папку кожаного тиснения с золотым орлом). Помимо всего прочего на Юг России направлено сотни САУ «Мардер», «Веспе» (последние вооружены 100-мм пушками). Кроме этого – два Pz. Sf. V «Sturer Emil», вооружённые 100-мм. (Паулюс вспомнил: эти тонные монстры с 40 мм бронированием были переданы в 251-й тяжёлый противотанковый батальон и с июля 1942 года сражались в составе 16-й танковой дивизией под Верхне-Бузинкой.) Самоходки Stug III Ausf F и Ausf gI снабжены длинноствольными 75-мм пушками. Лобовая броня этих «штурмгешюц» составила 60 мм, кормовая – 30 мм. Это – без кормовых бронез экранов, которыми также оснащаются эти самоходки, что, используя свой низкий силуэт, представляются сложным противником для советских танцеров. Батальонами этих САУ оснащены многие пехотные и моторизованные дивизии. Всё это позволит танцеравффе заметно усилить свою мощь. Русские противу всех ожиданий не сделали ничего, чтобы усовершенствовать свои танки. Напротив нарком ИНО Молотов, куратор «Танкограда», приказал поставить на конвейер производство сотни лёгких Т-50, Т-60 и Т-70 с короткоствольными пушками. Т-34/76 так и остался с 48 мм лобовым бронированием, вооружённый 76-мм пушкой среднего калибра. К тому же его производство заметно сократилось. Модернизированные германские танцеры могут поражать его лобовую броню с дальних дистанций, уступая «русише танцер» лишь в скорости. Основным и самым серьёзным противником продолжают оставаться лишь КВ-2 с 90—100 мм бронированием и британские Mk. II («Матильда») с 80 мм передней бронёй. Но производство первых также значительно сократилось, а вторые поступают через Иран и Мурманск в незначительных количествах.

Кроме этого русская танковая промышленность всё не решается запустить в серийное производство свои САУ. СУ-5 (истребитель танков), что были захвачены в двух экземплярах в приграничных боях 41-го, так и не поставили на конвейер. С сентября по ноябрь был налажен выпуск самохоек ЗИС-30/50 на шасси тракторов «Комсомолец», с 50-мм полевым орудием. Выпущено всего 100 единиц. А между тем бои под Воронежем летом 1942 года показали – больше половины советских танков выбивается огнём германских штурмгешюц с безопасной для последних дистанции.

– Мой фюрер, приношу вам свои извинения! – заставил всех обернуться хорошо поставленный, почти театральный баритон. Через открывшуюся дверь входил округлый, затянутый в белый мундир с сиреневыми атласными отворотами главнокомандующий люфтваффе, рейхсмаршал Геринг. Он на ходу вытянул в партийном приветствии левую руку. (Паулюс отметил, что пухлые пальцы были унижены массивными перстнями. Свечение, которое исходило от камней, слепило глаза.) Правую руку с маршальским жезлом он прижал к выступающему животу. – Хайль! Движение военных эшелонов на польской границе – наш милый фон Шпеер и впрямь вознамерился завалить вермахт новыми танками! Отрадно! Как, вы здесь? – он сделал вид, что не увидел Шпеера. – Приветствую вас, милый друг! – он бесцеремонно взял за плечо элгантного министра вооружений. Тряхнул его так, что на голове у того нарушился безукоризненный пробор с бриллиантином. – Кейтель! Старая гвардия видит вас! Победа и только победа...

Геринг начал с того, что со всеми подробностями поведал фюреру и присутствующим как провёл сегодняшнее утро. Скольких оленей он застрелил на охоте в «Каринхолл»: в своей резиденции в Восточной Пруссии, названной так в честь покойной жены. Затем фюреру была предложена фотография: пузатый рейхсмаршал в кожаных шортах с подтяжками, в шляпке с тетеревиным пёрышком, опершись на лук (колчан со стрелами висел через плечо), стоял на поверженном олене. (Паулюс едва сдержал своё презрение.) Эмма Зоннеман, нынешняя супруга, бывшая актриса берлинского варьете с чистой биографией, передавала фюреру наилучшие пожелания. Гитлер был невероятно растроган. Он, прижав руки к груди (на митингах в Нюрнберге они скрещивались у причинного места), улыбался. Его голубые глаза слезились и лучились от ностальгии. Обременённый «заботой» о нации, фюрер лишь мечтал о семейном счастье у камина, с детьми и внуками, в тайне для себя и окружающих побаиваясь оно.

– Геринг! – фюрер взял себя в руки. – Командующий 6-й армией Паулюс приглашён мною на заседание ставки. Он прибыл к нам с берегов этой реки... Волга? О, да! Русские так и называют её – «Волга, Волга, великая русская река!» Помнится, Геббельс рассказывал мне до начала компании на востоке – в России есть песня с такими словами, – он мрачно усмехнулся. – Паулюс! У вас наверняка есть пожелания в своём докладе. Они могут быть отнесены как к Шпееру, так и к Герингу.

– Генерал —полковник! – рука Геринга с «палкой» жезла, украшенного золотыми листьями и увенчанного орлом, вскинулась под потолок. – Мои извинения! Я так увлёкся, что не заметил вас.

– Мой фюрер, я не могу добавить к сказанному ничего, – заметно нахмурившись, начал Паулюс. – В своём докладе я отразил основные положения нашей стратегии – движение танковых армий на Кавказ ослаблено сопротивлением русских. Мы наносим удар по расходящимся линиям. Это недопустимо с точки зрения тактики. Под Сталинградом, – Паулюс незаметно для себя правильно выговорил название города, – сконцентрированы два десятка танковых, моторизованных и пехотных дивизий. Кроме того – десятки венгерских, итальянских и румынских дивизий, – он очертил указкой на карте, что была расстелена на столе, круг, где змеилась голубая артерия Волги, которую, казалось, протыкали синие и красные стрелы. Там пестрели чёрные флажки с номерами дивизий вермахта и союзников. – Сталинград, несомненно, представляет стратегическую ценность. Сеть железных дорог: через Абганерово, Калач, Песковатку – связывает нас с центральной Россией и Кавказом. По Волге двигались транспорты с нефтеперегонных заводов. Теперь это невозможно, так как вермахт и люфтваффе, – тут Паулюс невольно польстил этому пузатому рейхсмаршалу, – контролируют движение судов. Мой фюрер! Создалась величайшая со времён истории войн возможность, – указка в руке Паулюса медленно переместилась южнее Сталинграда, очертила «сапожок» Крыма, скользя по извилистому коричневому берегу Чёрного моря, упёрлась в зубцы кавказского хребта: Апара, Gelendgik, Sochi, Suhumi. – Наши армии могут опрокинуть русскую оборону под Туапсе и пройти всё побережье. Выйти к турецкой границе. Агентура Абвер подготовила материалы. В Грузии, Абхазии возможны диверсионные акции и восстания против сталинского режима. Канарис убеждён, что это осуществимо. Тем более, что в составе вермахта и группы армий «Юг» уже сформированы первые национальные части из состава русских, калмыцких и казачьих добровольцев. Мой фюрер, если части вермахта выйдут к Грузии, это означало бы вступление в войну Турции, где действует агентура фон Папена. Мы могли бы...

– Я не верю этому изменнику! – Гитлер тряхнул чёлкой. Заходил в беспокойстве. – Этот Папен весьма подозрительный и гнусный тип. Он стремился развалить нашу партию ещё во времена республики. Только заступничество Геринга спасло его от возмездия! – он бросил недовольный взгляд на главного лесничего рейха, у которого сразу же зардели толстые щеки. – Что же теперь? Папен озабочен идеей втравить бывшую Оттоманскую империю в войну со Сталиным! Турки это не тот союзник, на которого нужно ставить в компании на юге. Дальше Кавказа они не пойдут. К тому же эти плодородные земли и порты придётся отвоёвывать у них силой. А Британия непременно воспользуется этим! Стравит нас, чего и добивается Папен, – фюрер едва не сшиб стул. – Не понимаю, о чём думает адмирал Канарис! Его задача – организовать антибольшевистский заговор в Кремле. А он стремится к созданию казачьих, грузинских и абхазских дивизий в вермахте! Какое убожество мысли! Даже Гиммлер предложил мне сформировать мусульманскую дивизию в составе Waffen SS! Это что-то новое, господа! Похоже на заговор! О, эти заговоры... – он выдвинул тяжёлый стул и сел на него.

– Мой фюрер, я всего лишь... – Паулюс сделал попытку «достучаться» до фюрера через Геринга. Но тот лишь создал сложную систему складок на толстом, с двойным подбородком лице. – Уничтожая тысячи людей под Сталинградом, мы не достигаем цели летней компании. Мы втягиваемся в затяжные бои на 1943 год, не учитывая материальные и людские резервы...

– Вы устали от степных ветров, дорогой Паулюс! – с очаровательной простотой заметил Геринг. Он предусмотрительно встал между Паулюсом и Гитлером. – Там, где степи – повышенное давление на мозг. Солнце и сухой ветер дают о себе знать. Не удивительно, что вы не верите в свою победу, – он едва заметно подмигнул Паулюсу, поправив нашейный Железный крест 1-й степени.

– Я всего лишь проявляю заботу и солдатах, – уклончиво прокомментировал Паулюс. Усилием воли он заставил себя остановиться. Тем более, что щёки фюрера, прикрытые ладонью (он сидел в позе раденковского мыслителя, опершись локтем о стол) стали наливаться багровым. – Я нахожусь с солдатами. На поле боя, где многое заметней, чем здесь.

Молчавший Кейтель, прижав к животу свой жезл, так же укоризненно качнул головой. Он также был знаком Паулюсу по штабной работе в Цоссене и совместным отношениям с Гудерианом. Последний считал фельдмаршала отменным штабистом, но никудышным оператором. Последние выдвижения Вильгельма Кейтеля были связаны с его довоенным вступлением в NSDAP, а также безоговорочному подчинению доктрине фюрера. Это стало причиной обидных прозвищ «задница» и «лакей». Сменив на посту главнокомандующего OKV Франца Гальдера, этот бывший стажёр Академии им. Фрунзе, что в 20-х инспектировал от рейхсвера бронетанковые войска РККА и знал, что удары подобными соединениями наносятся лишь по сходящейся линии, не думал поправлять фюрера. Он ни в чём не прекословил ему. Как и Геринг, лишь поддакивал пиететам.

– Вам нужно отдохнуть, Паулюс, – устало выдавил из себя Гитлер. Он, наконец, оторвал руку ото лба и глаз. Взглянул на окружающий мир ничего не видящим, затуманенным взором. – Идите... Господа! Заседание ставки я вынужден прервать. Сложное состояние экзальтации посетило меня в ходе его. Вас вызовут. ...Да, рейх непременно вырождается, как и всё мировое пространство в целом... – заметил он кому-то невидимому.

– Генерал, вы свободны, – тихо сказал Борман. – Вы меня понимаете?

Этот низкорослый крепыш с мрачным, не улыбочивым лицом неслышно подошёл к нему вплотную. Загородил пространство между собой и Гитлером. Во время совещания он стоял в стороне у стенографистки, что механически записывала за фюрером, а также личного летописца «великого сына германского народа» – молодого человека с усиками, в синем костюме. Кроме того в ставке присутствовал полковник из военно-исторического отдела ОКВ. Он заносил в блокнот свои пометки, чтобы издать по завершению войны сборник речей и цитат под красноречивым названием – «Фюрер как великий стратег».

– Прекрасно понимаю, – также тихо ответил Паулюс.

Каблуки начищенных сапог послушно сдвинулись, а руки срослись с диагоналевыми бриджами с малиновым лампасом генеральштеблера. Он больше ничего не видел и не слышал. Перед его глазами продолжала жить помимо его воли картина из того недалёкого прошлого, что осталось «за кадром» в Сталинграде. Разрушенные, сожжённые коробки домов с обрушившимися перекрытиями, с «рёбрами» изогнутой арматуры, развороченные бомбами автомашины с обезображенными обрубками детских тел и многое другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.